ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР
Год издания 35-й

11 июня 1963 г., вторник
№ 69 (4656) Цена 4 коп.

Навстречу Пленуму ЦК КПСС

В НОМЕРЕ ПУБЛИКУЮТСЯ СТАТЬИ:

- **Н. ГЕЙ, В. ПИСКУНОВ.** СОВЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА — БОРЕЦ ЗА ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ СЧАСТЬЕ.
- **И. УСЕНКО.** ПЕРЕДОВОМУ СЕЛУ — ПЕРЕДОВУЮ КУЛЬТУРУ!
- **Т. ЧЕБОТАРЕВСКАЯ.** ПОЗИЦИЯ ХУДОЖНИКА, ПОЗИЦИЯ ГЕРОЯ...
- **АЙБЕК.** РАЗОБЛАЧЕННЫЕ ИЗМЫШЛЕНИЯ г-на ХАИТА.

ТВОРЕЦ ЖИЗНИ,
ИЛИ ПЕСЧИНКА В МОРЕ БЫТИЯ

Н. ГЕЙ, В. ПИСКУНОВ

ЗДЕСЬ человек творится... Эти слова могли бы стать эпиграфом к нашей действительности, открыть антологию советской классики, художественную летопись формирования нового человека, озаренную верой в коммунистическое завтра мира. Раздумьями об этом хочется поделиться сейчас, когда мы находимся в преддверии Пленума ЦК КПСС, который обсудит важные идеологические вопросы.

В гётевском «Фаусте» стремление удержать прекрасное на земле оказалось несбыточным. И Бальзак в свое время пришел к горькому выводу: «история не знает закона, которому подчинен роман: стремиться к идеально-прекрасному». В буржуазном обществе даже самые зоркие художники не могли разглядеть объективные возможности преобразования существующего строя. Построение истинно свободного мира представлялось им мечтой, делом далекого будущего.

Искусство социалистического реализма возникло тогда, когда история вплотную подошла к осуществлению этой мечты, когда стало ясно, что прекрасное может быть нормой и целью не только искусства, но и самой жизни. В противовес декадентскому пессимизму, тоске по впустую истраченным силам, вопреки скорбным воздыханиям и трагическим жестам, продиктованным сознанием, что людям от века не дано счастье, творческий метод советского искусства исходит из оптимистического взгляда на жизнь, из глубокой уверенности в возможность ее переустройства.

В мире идут горячие споры и дискуссии, появляются многочисленные исследования и трактаты по вопросам материалистической эстетики и марксистского гуманизма. В одной Франции за последние годы опубликован целый ряд книг на темы марксистской философии, этики и эстетики — коммуниста Гароди, экзистенциалиста Сартра, преподобного отца Биго, ревизиониста Лефевра, идеалиста Мерло-Понти и других.

Одни, опираясь на художественные открытия литературы социалистического реализма, говорят о ней как о новом этапе эстетического развития человечества; другие делают все, чтобы, по словам Р. Гароди, «рассеять чары марксизма», и пугают мир: социалистический гуманизм игнорирует личность, обрекает ее на гибель. Третьи стараются подогнать развитие советской литературы под некую схему, сказать о крушении концепции положительного героя. Критик западногерманского журнала «Остэйропа» так и пишет: «Ненависть к классовому врагу, политика как исходный принцип в оценке человека вызывают все более глубокий протест советских писателей, протест, поднятый с позиций чистой человечности. Таким образом новая русская литература переступает законы советского гуманизма».

Ход мысли всех этих «теоретиков» весьма прост: общественному человеку, имеющему четкие социальные и классовые координаты, противопоставляется «интегрированная личность», некий абстрактный «человек XX века». И вслед за положительным героем из литературы изгоняется типический характер в типических обстоятельствах.

Ну, а что же взамен? Искусство, которое оптимизму противополагает безверие, целесообразности — бесцельность, человечности — бесчеловечность, духовному росту — деградацию и моральную нищету.

Антигуманистическая сущность буржуазного общества воспринимается этим искусством как нечто обусловленное низменной человеческой природой, а звериные его законы смиренно оправдываются извечным проклятьем, тяготеющим над родом людским, расплатой за первородный грех. «Отличительной чертой человеческой природы является склонность человека к падению»,— пишет Р. Мэтьюсон, автор книги «Положительный герой в русской литературе».

Критики, пытающиеся опровергнуть социалистический гуманизм, ратующие за свободу от всяких норм, сами попадают во власть чудовищной схемы, в плен к одностороннему подходу к жизни. Когда человек приравнивается к песчинке, против своей воли занесенной в пустыню бытия, а жизнь уподобляется безбрежному океану страдания, тогда искусство неизбежно становится провозвестником всеобщей фатальной обреченности и беззащитности.

Герой Кафки лишен определенности характера, он утрачивает даже собственное имя, превращаясь в «безликую личность». Новоявленный гомункулус, замкнутый кругом собственных переживаний, становится «человеком без свойств». «Человек без свойств» — так и назвал свой известный роман австрийский писатель Р. Музиль.

Если Музиль все-таки в чем-то правдиво отразил трагедию обезличенных капиталистическим миром людей, то творческое кредо представителей «нового романа» во Франции — это уже полная и сознательная ликвидация характера в искусстве.

И как тут не вспомнить меткое замечание Иоганнеса Бехера: «Аполитичный человек — какое это бездушное существо! Он схема, только подобие человека, ибо он абстрагируется от факта, что человек является существом общественным».

Бехеру — крупнейшему поэту и теоретику искусства новой Германии — принадлежит и крылатое определение «политический человек». Это очень точные слова. Диалектика развития общества доказала, что политика должна одухотворяться гуманистическим идеалом, а понимание природы человека лежит в его политическом бытии.

Вся история советской литературы — это поиск образа героического человека, раскрывающегося тем полнее, чем он активнее проявляет себя в труде по созданию новой жизни. Весьма показательно, что в одном из первых произведений советской литературы — в «Разгроме» Фадеева — автор показывает, что только политическое самоопределение позволяет полностью реализовать человеческое содержание характеров.

Противники концепции «политического человека» делают своим идеалом «изолированную личность», считая, что чем больше человек избегает политики, чем основательнее укрывается от бурь истории, забираясь в нравственное подполье, тем неограниченнее его потенциальные возможности. Таковы широко распространенные мотивы модернистского искусства.

С их вариациями, в частности, можно встретиться и в романе югославского писателя М. Лалича «Погоня». В книге утверждается парадоксальная несовместимость двух начал — естественного и социального. И четники, и коммунисты, затянутые в водоворот войны, — не более чем жертвы неподвластных им сил, а сама война — бессмысленное самоистребление людей, охота всех за всеми. Убеждения, политические принципы, социальные идеалы противоборствующих сторон — случайное, наносное и чуждое людям по самой их природе. Лишь отбросив предубежденность мировоззрений, освободившись от понятий долга и обязанностей, можно открыть родник общечеловеческого.

С этим выводом убедительно полемизирует известный югославский писатель Д. Чосич. Его роман «Раздел» близок по жизненному материалу и сюжетным коллизиям книге Лалича: действие в «Разделе» происходит также в четническом отряде, человек проверяется тяжкими испытаниями, самой смертью. Но интонации, система образов, логика обоих романов принципиально отличны друг от друга. Роман Д. Чосича не бесспорен. Но автор, понимая, что социальное и историческое являются единственно реальными основами развития характера, воссоздает гораздо более полную, достоверную и художественно емкую картину действительности. Жизнь и смерть коммуниста Милоша Бабовича, одерживающего нравственную победу над противником, борьба за высокие идеалы, значительность цели расширяют образный диапазон романа «Раздел», открывают дорогу многоголосию жизни, позволяют автору проникнуть в глубь явлений, обнажить их движущие силы и реальные противоречия.

Иные зарубежные «специалисты» по советской литературе, принимая желаемое за сущее, утверждают, будто она стремится в последние годы к изображению человека... вместо героя. Но их «теории» не имеют ничего общего с реальным положением вещей в искусстве социалистического реализма. Создание образа героя — человека и человека-героя — всегда было главной задачей советского искусства, и особенно большое значение эта задача приобрела в наши дни. Это истина общеизвестная, не требующая специальных доказательств.

Можно, конечно, назвать отдельные произведения и в нашем искусстве, где нет крупных, цельных характеров. Это, к примеру, не раз уже критиковавшиеся в печати повести В. Аксенова, Б. Окуджавы, рассказы Ю. Казакова. Авторы этих книг, очевидно, опасаясь обвинений в «схематизме» и «идеализации», попадали под влияние тенденций «безгеройного» искусства, распространенных на Западе. Их внимание в отдельных случаях привлекали люди, потерявшие четкие ориентиры или никогда не имевшие их, натуры ущербные, надломленные. Показ нравственного роста личности и высокая требовательность к ней вытеснялись всепрощающей жалостью.

Красота и справедливость не приходят в мир сами. За них идет борьба, нужны огромные усилия и напряженный труд, чтобы воплотить их в действительность. Коммунизм есть высшее выражение красоты жизни, он призван истребить боль, зло, неправду, а для этого необходимы такие эпические характеры, в которых, по словам Ральфа Фокса, больше нет средостения между ними самими и сферой их практической деятельности.

Социалистический гуманизм поднимает на новый, высший уровень идею человеколюбия, идеал «человеческого человека». Он находит пути к достижению всеобщего счастья, так как опирается на веру в созидательные силы людей, в их способность творчески преобразить действительность.

Социалистический гуманизм исходит из научно обоснованной идеи построения свободного и счастливого человеческого общества. Но, понимая это, понимая новаторскую природу социалистического гуманизма, нельзя, конечно, не учитывать его связи с общим развитием гуманистических идей, продолжавшимся на протяжении всей истории человечества.

Лучшие книги наших дней утверждают многогранные, живые, но подлинно героические характеры. Андрей Соколов, Марко Бессмертный, Джамиля, Егор Дымшаков, Балуев, лирические герои Твардовского и Берггольц — это мужественные и сильные люди. Но их цельные и многообразные характеры не укладываются в схему «идеального героя», которую продолжает отстаивать А. Протопопова, готовая обвинить всю литературу последних лет в безгеройности.

В образе положительного героя нового времени главное — не отсутствие недостатков и слабостей, а то, что он **«в решительный момент** делает то, что нужно делать в **интересах человеческого общества»** (Ю. Фучик). Вот потому и нужен людям такой герой, и потому-то и безуспешны попытки выдать за него того, кто им быть не может. Судить о характере — значит понять социальную направленность этого характера, внутренний его пафос, объективный смысл его жизненных позиций и деятельности.

Идея «безгеройной» литературы, прозвучавшая в ряде критических статей, равно как и попытки защитить «идеального» героя, требуют от науки о литературе серьезного и глубокого изучения проблемы положительного героя — одной из центральных в марксистско-ленинской эстетике. И потому, думается, неправ А. Бушмин, утверждающий, что полемика и с теми, кто отрицает положительного героя, и с теми, кто ратует за героя «идеального», не имеет сейчас серьезного значения («Русская литература», № 1, 1963). А. Бушмин считает, что «критика подобных односторонних крайностей привлекательна легкостью одержания победы». Но о победах говорить рано, ибо «подобные крайности», во-первых, не так уж легко изживаемы, а во-вторых, — и это главное,— они мешают развитию искусства социалистического реализма.

Недостаточно серьезное изучение проблемы положительного героя приводит к тому, что героическое в искусстве подчас отделяется от человеческого содержания образа, хотя в деяниях нашего современника как раз и утверждаются общечеловеческие идеалы мира, труда, свободы, равенства, братства и счастья.

Человечество — не сумма миллионов разобщенных индивидуумов, каждый из которых ищет счастья для одного себя. Подлинно общечеловеческое в наше время неразрывно связано с коммунистическим. Именно коммунистическое начало есть высшее выражение общечеловеческого, непонимание этого ведет к искажению идейно-эстетического смысла и назначения искусства.

Основоположники марксизма выводили общечеловеческое из классового, подчеркивали, что оно, общечеловеческое, утверждается в ходе революционного преобразования действительности.

«...Человеческое братство,— писал К. Маркс о пролетариях,— в их устах не фраза, а истина, и с загрубелых от труда лиц глядит на нас вся красота человечества».

«Человеческое братство» было истиной в устах первых пролетариев мира. Человеческое братство стало достижимой, близкой реальностью в стране, выполняющей заветы Ленина, строящей коммунизм.

Борясь с буржуазной идеологией, литература социалистического реализма с полным правом отстаивает и развивает именно свои эстетические идеалы, потому что коммунизм, который строит наш народ,— это воплощение самых светлых надежд мира.

ОЧИСТИТЬ ВОЗДУХ СРЕДИЗЕМНОГО МОРЯ!

Итальянский пейзаж дополнился сегодня новыми «деталями» — ракетами «Поларис». Какая насмешка над культурой человечества, историей, над самой жизнью рода людского! На этом снимке нет людей. Итальянцы отнюдь не умиляются при виде сих заокеанских «подарков». Они протестуют, гневно и настойчиво. Жители страны с горячим одобрением встретили слова Н. С. Хрущева, высказанные им в интервью итальянским газетам «Паззе сера» и «Ора»: «Наши усилия направлены на то, чтобы не допустить развязывания новой войны с ее ужасными последствиями... Превращение Средиземноморья в безъядерную зону представляет собой одну из этих мер, значение которой трудно переоценить».

Идея освобождения Средиземного моря от атомного и ракетного оружия нашла горячих сторонников среди итальянской интеллигенции. Известный архитектор Марио Сено заявил, что сама его профессия заставляет поддерживать любые предложения, направленные на уменьшение военной опасности. Именно такие предложения, добавил он, содержатся в интервью Н. С. Хрущева. «Я не могу себе представить, чтобы правительство Италии... могло отвергнуть подобное предложение».

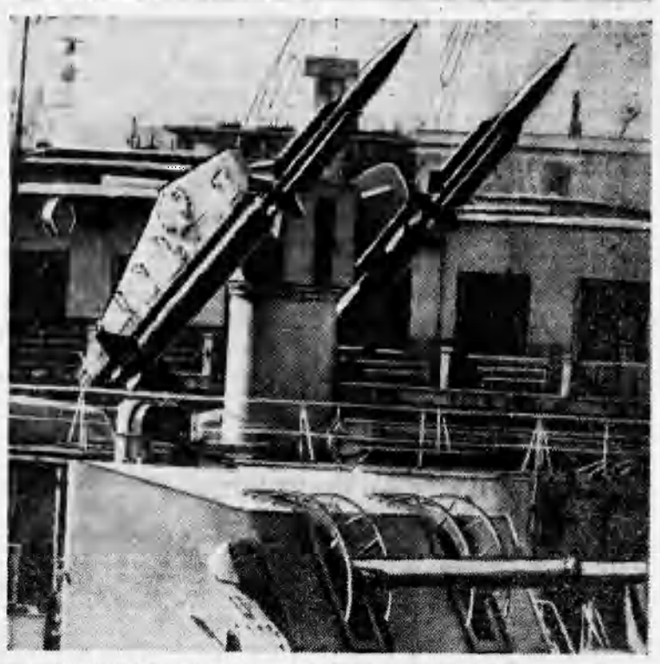


Фото из журнала «Вие нуове».

МИРА ТРЕБУЮТ МАТЕРИ

ТРИ МЕСЯЦА назад Организация Объединенных Наций опубликовала доклады о положении женщин в разных странах мира. Гнетущая картина. Если даже брать только внешнюю, формальную сторону (а составители докладов, разумеется, не касаются таких вопросов, как унижение женского достоинства и попрание прав женщины), то и тогда каждая страница служит убедительным доказательством, что женщина в капиталистическом и колониальном мире — это лишь выгодный объект для эксплуатации.

На этом мрачном фоне составители докладов нашли, впрочем, светлое пятно: на территории Сянган (Гонконг), захваченной англичанами, введено законодательство, ограничивающее продолжительность рабочего дня для женщин... десятью часами. Великолепно! Всего десять часов изнурительной работы, а потом женщина может целых 14 часов заниматься чем ей угодно!

Впрочем, это ведь колония. Не может в цивилизованных странах быть то же самое... Не может?.. Взглянем хотя бы на страну «экономического чуда». Конституция Федеративной Республики Германии подчеркивает, что мужчины и женщины равноправны; в частности, за равный труд они получают равную оплату. Что трудятся женщины наравне с мужчинами,—это бесспорно: процент женщин среди рабочих колеблется от 22 в металлургической промышленности до 92 в швейной. Но равная оплата? Любой западногерманский фабрикант рассмеется в лицо, если женщина попробует заикнуться о чем-то подобном. На одну треть, а то и на половину меньше получает женщина, если она заменяет мужчину-рабочего. Не говоря уже о том, что тот же хозяин попросту не принимает на работу беременных женщин и кормящих матерей. Федеральной экономике они не нужны!

Правда, они нужны военному ведомству и бундесверу — армия в ФРГ растет, как снежный ком, она все больше и больше нуждается в солдатах, готовых сложить голову ради «великой Германии». Но немецкие женщины не хотят отдавать своих сыновей на бойню во имя ядерного безумия. И потому такой широкий отклик нашел среди западногерманских матерей призыв, раздавшийся полгода назад из Берлина, где состоялась сессия Совета Международной демократической федерации женщин:

«Мы обращаемся ко всем миролюбивым женщинам, работницам, крестьянкам, к женщинам интеллектуального труда, матерям, охраняющим жизнь своих детей. МДФЖ призывает вас поддержать и принять участие во Всемирном конгрессе женщин за:

— всеобщее и полное разоружение, за мир, суверенитет и национальную независимость, за демократические свободы и человеческое достоинство;

— завоевание, осуществление и защиту прав женщин как матери, трудящейся и гражданки;

— в защиту прав всех детей на жизнь, здоровье и образование...

Этот конгресс — ваш конгресс. Ваше участие, участие вашей организации будет способствовать общим усилиям женщин всего мира в борьбе за мир, национальную независимость, равноправие и счастье детей».

— Это действительно наш конгресс, — заявили на днях представительницы женских организаций Западной Германии. — Повестка дня конгресса отвечает насущным интересам женщин ФРГ. Мы готовимся принять в нем участие.

Готовятся к конгрессу повсюду. И в Англии, и в Гане, и в Соединенных Штатах, и в маленькой Гваделупе. Союз женщин Мартиники сообщил, что они хотели бы принять участие во Всемирном конгрессе женщин, «чтобы присоединить скромный голос Мартиники к голосу тех, кто выступает за сохранение мира во всем мире». Много делегатов они послать не могут, но все же две представительницы Мартиники примут участие в конгрессе...

Чтобы оплатить дорожные расходы делегатам, нужны деньги. Но разве это может остановить женщин, которых суровая жизнь научила многим ухищрениям в финансовых вопросах! В Японии выпустили изящные броши — деньги от их продажи пойдут на оплату билетов. Недавно появился в продаже свисток в виде голубя мира. В ту же коробочку вложено воззвание к женщинам. Вот строки из него: «Мир воспевают птицы, мира требуют матери. Мир и радость детям! Взрослые, сильные, те, кто может отстоять мир, — вас призываем к миру!»

...До Всемирного конгресса женщин остались считанные дни. Уже в каждой стране определили, кто поедет в Москву, заканчиваются последние приготовления. Большие надежды возлагают женщины мира на эту свою международную встречу. Женщины со светлой кожей и с кожей смуглой, женщины закабаленные и женщины, живущие в странах социализма, жены и матери, работницы и домашние хозяйки. Всем им есть что сказать, поделиться своими планами, объединить свои усилия и свои голоса в едином властном требовании — требовании **свободы, равенства и мира.**

Ты живой, Теодор Нетте!

Корабль, названный именем человека, героя, славного дипкурьера, снова живет «дымной жизнью труб, канатов и крюков»! Со стапелей Балтийского завода в Ленинграде сошел новый океанский лесовоз «Теодор Нетте». День этот стал праздником на заводе.

У стапелей — судостроители и их гости: ленинградцы, москвичи, рижане... На трибунах — дочь Нетте, ученый микробиолог Ирина, герои Тихого океана — Асхат Зиганшин, Филипп Поплавский, Анатолий Крючковский, последний капитан старого «Теодора Нетте» Михаил Кислов, поэт Вячеслав Кузнецов и другие. Почетную вахту у трибун несут посланцы пионерских дружин и отрядов, собравших металл для постройки нового корабля. Рядом высится громада лесовоза. Вдоль борта четкие белые буквы — «Теодор Нетте».

Стрелки часов приближаются к двенадцати. Минута тишины, и с командного пункта как-то по-особому торжественно раздается приказ:

— Разрезать задержник!..

Тысячетонная махина вздрагивает и медленно скользит к Неве.

Всплеск воды, гром оркестра, аплодисменты и многоголосое «ура» сливаются с грохотом якорных цепей.

Корабль — на плаву!

Глядя на него, вслед за великим поэтом говоришь:

— Здравствуй, Нетте!

ЛЕНИНГРАД. (По телефону)

ТАМ, ГДЕ НЕВЕЖЕСТВО ПРОЩАЕТСЯ

Иван УСЕНКО

Я ЖУРНАЛИСТ. Давно живу на Дону, часто бываю на хуторах и в станицах Северного Кавказа, и одна мысль, одно соображение вот уже несколько лет не дает мне покоя...

Что такое современное да еще южное село? Это прежде всего — колхоз ли, совхоз ли — но непременно крупное хозяйство. Это — десятки, а то и сотни самых разнообразных сложных машин. Это, — фермы, оборудованные по последнему слову зоотехники. Это — сотни гектаров земли, которые обрабатываются по технологическим картам только машинами. И это, разумеется, люди, которые ни по характеру своего труда, ни по квалификации решительно не похожи на тех донских хлеборобов, с которыми имели дело Давыдов или Нагульнов.

Сотни механизаторов широкого профиля, животноводов, огородников, виноградарей с десятилеткой за плечами — вот он, цвет современного села, его главные кадры. А интеллигенция! Пересчитайте-ка в любой станице учителей, агрономов, механиков, врачей, ветеринаров, зоотехников, мелиораторов. Да это же опять сотня, а то и две сотни людей с высшим или специальным средним образованием.

Зачем я напоминаю об этих общеизвестных переменах в жизни села? А вот зачем...

ЗАХОДИТЕ вечером на огонек станичного или хуторского клуба, оглянитесь вокруг. Вы увидите среди зрителей немало людей, которые либо выросли в городе, либо провели там годы ученья. Вы заметите молодежь, которая в пору студенчества побывала и в Третьяковке, и в Русском музее, слушала оперы в Большом театре, знает в лицо выдающихся деятелей искусства страны. Более того, вы увидите сотни — повторяю, сотни! — станичников, которые каждый вечер смотрят телевизионные передачи и опять-таки знакомы с самым высоким искусством.

И вот эти люди пришли в свой сельский или хуторской клуб, и что же они чаще всего слышат? Баяниста либо гармониста, который «услаждает» их уже искушенный слух такой игрой, которая когда-то вполне устраивала их неграмотных бабок и прабабок. Вы увидите любительский спектакль либо услышите хор, которые, ей-же-ей, по уровню подчас не выше того, что бывало на сельской сцене три десятилетия назад.

Нет, я сразу же оговариваюсь — цель этих заметок вовсе не в том, чтобы огульно очернить всю нашу сельскую культурно-просветительную работу, всю нашу художественную самодеятельность. Есть и у нас на Дону, как и на знакомой мне Кубани, как, впрочем, и везде, великолепные талантливые коллективы и солисты самодеятельности, не уступающие порой профессионалам. Но будем говорить об этом прямо: общий уровень сельской культуры,— возьмем ли мы самодеятельность или лекции,— ох, как он еще далек, этот уровень, от тех запросов жителей современного села, которые ну просто-таки сказочно выросли за последние годы.

Так в чем же тут дело?

А ДЕЛО все, соль вся — и как раз именно это меня тревожит! — в кадрах сельских культурно-просветительных работников, в том, как их подбирают, и в том, как их обучают.

Вот небольшое сравнение: на Дону работает целая армия — четырнадцать тысяч! — учителей. Среди них почти нет учителей без диплома о высшем или специальном среднем образовании. А как с культпросветчиками? Вот официальные данные Ростовского областного управления культуры: из семисот заведующих сельскими клубами только пятнадцать имеют высшее образование.

Так что же у нас получается? Малышей, даже дошкольников, мы вверяем в руки специалистов-педагогов, а культуру взрослым «несут» у нас люди, частенько просто малограмотные, не знакомые ни с литературой, ни с искусством. Председателю колхоза в голову не придет назначить зоотехником человека несведущего, но он же, этот председатель, без всяких сомнений вверит Дворец культуры случайному человеку только лишь потому, что тот умеет по-домашнему играть на баяне.

Меньше всего я виню в этом самих сельских работников культуры. Хлеб их труден, и не их вина, что они не получили вовремя нужного образования. Знаю я среди них настоящих энтузиастов, которые хотят работать, но не могут, не умеют удовлетворить современные запросы населения. Вина, а точнее беда, в неправильной, на мой взгляд, системе подготовки кадров деятелей сельской культуры.

Скажем, на Северном Кавказе есть два университета и двадцать институтов, но ни в одном из них нет ни факультета, ни отделения, которое готовило бы культпросветработников. А училища Министерства просвещения? На клубные отделения этих училищ принимают юношей и девушек с восьмилетним образованием. Почему с восьмилетним? Разве может всерьез усваивать методику культурно-просветительной работы человек, мало знакомый с литературой, с искусством, попросту не имеющий общего образования? В училищах, правда, пытаются за три с небольшим года восполнить этот пробел. Программа такая, что освоить ее можно только при чудовищной перегрузке, — бегло, поверхностно. Окончив училище, человек практически ничего не умеет делать, а его познания в области искусства не простираются дальше самого наивного примитива.

(Окончание на 2-й стр.)

КЛАССИКА СОВЕТСКОЙ ИЛЛЮСТРАЦИИ

Литература в иллюстрациях — так можно назвать открывшуюся в залах Академии художеств СССР выставку. 1 474 работы демонстрируются на ней, 22 советских графика приняли в ней участие. Здесь представлены произведения художников-академиков Украины, Грузии, Эстонии, Армении, Москвы, Ленинграда...

Вы увидите здесь иллюстрации В. Фаворского, В. Серова, Б. Пророкова, О. Верейского, А. Бубнова, С. Герасимова, М. Дерегуса, Д. Дубинского, Н. Жукова, А. Каневского, Кукрыниксы, Е. Кибрика, С. Кобуладзе, А. Лаптева, Э. Окаса, А. Пахомова, А. Пластова, Г. Рейндорфа, Г. Ханджяна, Д. Шмаринова...

О глубоких народных традициях советского искусства, о верности мастеров книжной графики литературе и правде жизни, о большом художественном значении этой экспозиции говорили на открытии выставки президент Академии художеств СССР В. Серов, секретарь правления Союза художников СССР Е. Белашова, молодой молдавский художник-график И. Богдеско, академик-секретарь отделения графики Академии художеств СССР Д. Шмаринов, писатель Л. Никулин.

В. СЕРОВ. Портрет А. М. Горького. Иллюстрация к книге «Фома Гордеев». КУКРЫНИКСЫ. Иллюстрация к произведению А. М. Горького «Мать».

Наши интервью

БЛИЖЕ К ЖИЗНИ!

ИСТОРИЧЕСКИЕ встречи руководителей партии и правительства с деятелями литературы и искусства оказали благотворное влияние на жизнь всех творческих организаций. Наши писатели проявляют особую заботу о расширении и усилении творческих связей с многогранной жизнью страны и народа. Поиски идут в различных направлениях, преследуя важную цель: помочь писателю шире видеть, глубже изучать нашу кипучую жизнь, содействовать ему в более полном исследовании, осмыслении великого труда народа, созидающего коммунизм. Одновременно, повсеместно, в том числе и в московской писательской организации, энергично ведутся поиски новых организационных форм.

— Каково содержание этих новых организационных форм работы? — с таким вопросом корреспондент «Литературной газеты» обратился к парторгу МГК КПСС по московской писательской организации писателю В. Тевенеляну.

— Как известно, в столице живет и работает большой коллектив советских литераторов — прозаиков, поэтов, драматургов, критиков, — сказал В. Тевенелян. — Московская писательская организация располагает крупными творческими силами во всех жанрах литературы. Столичными литераторами создано немало произведений, получивших признание народа. За последний год московские писатели издали 820 новых произведений. Тем не менее наши связи с жизнью явно недостаточны.

Мы живем в удивительное время. Наша индустрия, сельское хозяйство, наука за последние годы претерпели изумительные превращения. В сфере труда властвуют новая техника, новое отношение к работе. У нас вырос новый человек, отмеченный уже чертами коммунистического будущего. А некоторые наши коллеги, к сожалению, порой все еще питаются в творчестве представлениями двадцатилетней давности. Не удивительно, что их книги нередко оставляют ощущение академической статичности.

Явно мало мы, москвичи, пишем о нашей чудесной столице. Москва, город замечательного рабочего класса, покорителей атома и исследователей белка, — до сих пор еще не привлекла пристального внимания писателей.

— Жизнь, — продолжает В. Тевенелян, — поставила перед коллективом московских писателей-коммунистов вопрос о новых формах партийной работы. Писателю надо помочь сблизиться с жизнью. Теперь писатели-коммунисты будут состоять на учете в партийных организациях крупнейших заводов и фабрик, научно-исследовательских институтов и учебных заведений Москвы. Идя навстречу нашим пожеланиям, МГК КПСС предоставил столичным литераторам коммунистам широкую возможность войти в партийные коллективы таких известных предприятий, как заводы имени Лихачева, подшипниковый, «Серп и молот», «Красный пролетарий», имени Орджоникидзе, «Каучук», фабрика имени Свердлова, Московского университета и других предприятий и организаций.

Разумеется, нет нужды говорить, что каждый писатель-коммунист сам выберет предприятие или учреждение, с которым он решит установить тесные узы — партийные и творческие. Очевидным нам кажется одно: новые организационные формы принесут пользу и писателю, и коллективу, с которым он сблизится. Интересно отметить, что многие беспартийные литераторы, следуя примеру коммунистов, изъявили желание установить более тесные связи с рабочими коллективами столичных предприятий. Наша задача — помочь им, найти для этого нужные организационные формы.

— С целью ликвидации творческой разобщенности писателей-коммунистов, работающих в различных газетах, журналах, издательствах, при Московском отделении Союза писателей создается партийная группа, возглавляемая парторгом МГК КПСС, — сказал далее В. Тевенелян. — Это значит, что, состоя на учете на заводе или фабрике, писатель-коммунист одновременно войдет и в состав партгруппы, где он сможет обсуждать волнующие его творческие вопросы. Партгруппа, видимо, охватит пятьсот, если не более, коммунистов. Основная ее задача — борьба за высокую идейность и художественное мастерство литераторов.

В заключение беседы В. Тевенелян высказал некоторые личные соображения о других мерах улучшения работы московской организации:

— Думается, слишком громоздкий президиум Московского отделения (21 человек) следует заменить более оперативным секретариатом (семь—девять человек). Секции, видимо, следует укрупнить, объединив драматургов и кинодраматургов, прозаиков и очеркистов, дав возможность критикам войти в те секции прозы или поэзии, с которыми они внутренне связаны. Будущий секретариат должен освободиться от текущих дел и заниматься только творческими проблемами.

Таковы наши планы, предложения, поиски. Московские писатели-коммунисты полагают, что новые организационные формы партийной работы помогут в создании достойных произведений литературы, которых ждут от нас партия, народ.

ЧЕЛОВЕК И ПРИРОДА

ШАХ-ТУТА,

ИЛИ РАССКАЗ О ТРЕХ РОДНИКАХ

Л. ГУРУНЦ

— ХОТИТЕ, я вам покажу карабахского Дон-Кихота, рыцаря без страха и упрека, с мечом в руках защищающего шах-туту? — сказал мне Бахши Джангиров, работающий в Степанакерте — столице Нагорно-Карабахской автономной области, азербайджанец, хорошо говоривший по-армянски... Джангиров большой шутник. Но на этот раз он не шутил:

— Увидите сами. Он все лето в садах проводит. К нему шелководам заказана дорога.

Я все-таки решил, что Джангиров шутит. Ну что может делать старик, пусть он трижды рыцарь без страха и упрека, если туту рубят открыто, с благословения председателя колхоза и начальника повыше?

Через полчаса машина мчала нас по разбитым горным дорогам, полыхающим зноем. Но прежде всего о шах-туте, почему она нуждается в столь бдительной охране и защите?

Представьте себе огромное дерево с роскошной кроной, усыпанной белыми, в продолговатых пупырышках, ягодами, которые, как сахарное мороженое, тают во рту. Теперь представьте огромные пространства, занятые этими деревьями. Как застывшие фонтаны, они встречают вас и на скалах, и на склонах гор. Нет, кажется, такой земли, на которой не смогли бы утвердиться эти мощные деревья, унизанные белыми ожерельями ягод.

Много разных плодов и ягод зреет под небом Карабаха, но всем плодам и ягодам мои земляки предпочитают шах-туту.

Велико уважение карабахца к царь-дереву, никто не посмеет швырнуть в шах-туту камнем. Если человеку надо снять ягоду, он осторожно пригнет ветку. Но человеку можно не трудиться — под тутовым деревом всегда достаточно опавшей ягоды.

Я не знаю, все ли целебные свойства, какие заключает в себе спелая ягода туты, известны ученым. Но то, что мы знаем, заслуживает самого пристального внимания. Если у вас язва желудка, ешьте нашу царь-ягоду. Если сердце работает неважно, отправляйтесь к нам в Карабах и ешьте шах-туту. Ревматикам великолепно помогает ванна из шах-туты. Точнее, не ванна, а бочка с перебродившим соком этой ягоды. Малярики излечиваются от своего тяжелого недуга, когда каждое утро они натощак принимают винный бокал густого сладкого сиропа, приготовленного из тутовых ягод. А если вы здоровы, то тем лучше. Ешьте туту натощак, ешьте после обеда, ешьте до самого вечера и никогда не говорите: «спасибо, наелся», — вас поднимут на смех, потому что тутой наесться нельзя.

Так говорят люди, прославляя царь-дерево.

Вы думаете, это все? Нет, еще далеко не все. В Карабахе много родников. Они бьют из расщелин, бегут по зеленым склонам, звонкие, быстрые. А многие ли знают, что эти стремительные горные ключи своим существованием обязаны этим деревьям, давшим начало их жизни? Даже то, что Нагорный Карабах является родиной долголетия, приписывают шах-туте.

Вот почему карабахский труженик так любит это дерево. Большинство колхозов области разводит шах-туту. Тысяча семьсот гектаров сплошных массивов шах-туты, урожай которой служит основной сырьевой базой для производства спирта, — такова площадь, занимаемая этой высокопродуктивной культурой.

И вот на это чудо-дерево, дерево-богатырь, напала беда. Его исподтишка рубят на дрова.

Стоило начаться кампании против алкоголя, как некоторые незадачливые борцы с алкоголизмом, усмотрев в тутовых ягодах возможное сырье для производства спирта, пригнали в Карабах... бульдозеры. Действительно, из тутовых ягод у нас в горах иногда курят водку. Но из туты делают не одну водку. Главное назначение ее — не водка. И все же рубят. Я видел, как бульдозеры сваливают вековые деревья. Почему? Ведь не жгут же пшеницу или сахар из-за того, что разные браконьеры делают из них водку?

Забегая вперед, скажу: бой кончился нашей победой — бульдозеры отошли от деревьев.

Но не исчез топор, рубивший ветки туты для кормления шелковичного червя. Постоянный враг туты остался еще в силе и здравии. Он продолжает расправляться с тутой, точа ее и объедая. На том месте, где тута отсутствует, глядишь — обмелели и исчезли родники. И это сейчас, когда столько говорят об охране природы!

Джангиров, видать, не без умысла возил меня по местам, где тутовые сады особенно пострадали. Я ведь не новичок здесь. Я хорошо знаю эти места. Нинги, Сиптакшен, Мушкапат... В колхозах этих сел начисто вырублены сады.

Не скрою, не всюду разгулявшемуся топору зеленая улица. Я хочу назвать колхозы и людей, выигравших нелегкий бой за туту. Это такие колхозы, например, как колхоз села Гер-Гер... Но все-таки пока еще наше чудо-дерево, шах-тута, в опасности. По дороге Джангиров то и дело останавливал машину и показывал родники, которые едва дышали, многие из них высохли, обмелели. Джангиров, хорошо знающий Карабах — он житель села Туг, — с болью заключил, что за последнее время в области зарегистрировано более пятидесяти случаев, когда родники вдруг иссякают. Был даже случай: лето выдалось сухое, без дождей, и многие колхозы остались без воды. А кто посчитал, сколько колхозы понесли убытков, потеряли скотины? Мы едем... Внезапно за поворотом дороги открылась нашему взору пленительная зелень садов. Тутовое дерево не спутаешь ни с каким другим деревом. Вот она, шах-тута: мощные вековые деревья с морщинистой корой на толстом стволе. Они сейчас пригнуты к земле. Белые ожерелья ягод тянут ветки вниз.

Вид сада с его первозданной красотой был так неожидан, что я невольно залюбовался открывшейся передо мною картиной.

— Это? — спросил я.

Джангиров кивнул головой.

Машина остановилась.

— Гайк-даи, — открыв дверцу машины, крикнул Джангиров.

— Эй, — отозвались из глубины сада.

— Иди, открывай калитку. Принимай гостей.

Тутовые сады вообще не охраняются, не огораживаются забором. Этот сад, видать, охранялся бдительно, надежно был загорожен сухим колючим кустарником.

А вот и старик Гайк-даи, которого окликал мой спутник. Он пробирался по саду, настороженно вглядываясь в нашу машину.

— Кто такие?

— Коли добрые люди, входите! Мой дом — ваш дом!

И широкий жест, приглашающий нас в сад.

— Даниелян Гайк Петрович, рождения 1874 года, 16 мая, — представился несколько торжественно старик.

Предложив нам отведать туты, отдохнуть с дороги, он все же, не выдержав, сам начал разговор, видно, о самом главном в жизни. Рассказал, сколько в саду было деревьев, сколько сейчас. Родословную каждого дерева. Сколько им лет. Я узнал, что многие из них посажены еще его отцом и дедом. О живучести туты, о ее выгоде.

Старик очень обрадовался, узнав, что и я — болельщик туты. Не знал, с какого дерева попотчевать нас ягодой.

Он повел нас в самый край сада, в небольшой буерак и, спустившись на дно, показал нам три источника, бьющих из-под земли, один от другого на расстоянии нескольких шагов.

— Это детище моего сада. Вырубишь деревья, завтра же их не будет. Обмелеют, исчезнут. Шах-тута — кормилица и для них!

Мы вышли из сада. Вечерний Старый Таглар горел огнями электрических лампочек. Я всегда знал, что в этом селе хорошо налаженное хозяйство, лучший в Карабахе семеноводческий совхоз, что там в клубе есть кружок песни и пляски, который концертирует в клубах соседних колхозов, в районе и в областном центре, участвовал в олимпиаде в Баку. И понимал: этим славно село. А теперь я понял главное: вот такие простые люди, как Гайк Петрович Даниелян, Гайк-даи, как величают его в селе, — главная слава его и богатство.

Гайк-даи, рыцарь туты из Карабаха...

«Лорд Гладстон» терпит бедствие

И. ОСИПОВ,
специальный корреспондент «Литературной газеты»

В НОВОРОССИЙСКОМ порту стоит «Лорд Гладстон». Огромный черный корпус теплохода крепко ошвартован у пирса. Портальные краны поднимают из трюмов мешки, грузчики подхватывают их и укладывают в вагоны. «Лорд Гладстон» доставил в Новороссийск пятнадцать тысяч тонн кубинского сахара.

На палубе два матроса сдирают скребками ржавчину, третий покрывает суриком очищенное железо. Свободные от вахты мотористы, матросы, механики спускаются по трапу.

На мостик выходит из своей каюты капитан Кларенсе Ирланд. Капитан с минуту стоит у трюма, наблюдая за работой наших грузчиков. Разгружают судно отлично. Стрела крана плывет над палубой, опускает в трюм свой крюк и через мгновение уносит на пирс связку тяжелых мешков.

Капитан возвращается в каюту, садится к пишущей машинке. Вот уже второй день составляет он документ, который нужно отправить в Лондон, оунеру, владельцу «Лорда Гладстона». Теплоход не стоял бы сейчас под разгрузкой, если бы русские моряки не спасли «Лорда Гладстона», потерпевшего бедствие в открытом море, невдалеке от Новороссийска.

30 МАЯ в четыре часа 12 минут утра «Лорд Гладстон» сел на мель в районе Суджукской косы. Где бы ни случилась такая беда, она всегда чревата тяжкими последствиями. В то утро погода была сносная, дул слабый юго-западный ветер, видимость позволяла разглядеть и огни буйков, ограждающих Суджукскую косу, и зеленые мигалки Новороссийских створов. Стоило лишь проследить за показаниями навигационных приборов, чтобы благополучно миновать опасные места и войти в бухту.

Но что-то неладное произошло на рассвете 30 мая на борту «Лорда Гладстона». Стояли на мостике и капитан, и старший штурман, и еще один капитан Вильям Джонес — он сдал судно в Босфоре новому командиру, получив отпуск. Три года не видел берегов Англии старый моряк. Теперь он подсчитывал дни и часы, отделявшие его от свидания с семьей.

...Резкий толчок едва не свалил с ног всех, кто находился на мостике.

— Судно коснулось грунта! — испуганно крикнул старший штурман.

Остановили машину. Несколько минут ушло на то, чтобы сообразить: каким же это образом стряслась беда именно там, где все проявляют особую осторожность.

Лучше других мог бы определить, что вызвало аварию, Вильям Джонес: он уже три раза вводил судно в Новороссийскую гавань. Он понимал, конечно, что причиной бедствия была непростительная беспечность капитана и старшего штурмана. Они повернули к Новороссийску на несколько минут раньше, чем нужно было. Они не следили за показаниями приборов.

В судовом журнале не записано, сказал ли он об этом или промолчал, щадя самолюбие нового капитана. Но вслед за этим была допущена еще одна ошибка — о ней упомянуто в судовом журнале:

«4 часа 12 минут. Судно село на грунт.

4 часа 13 минут. Машине дан полный вперед. Судно не двигается».

Разумеется, оно и не могло бы двинуться, так как всем своим днищем (это увидели вскоре наши водолазы) напоролось на крупную гальку. Ни в коем случае нельзя было давать машине «полный вперед!», это лишь усугубило беду, постигшую «Лорда Гладстона»...

Капитан приказал радисту послать сигнал бедствия. На борту британского судна люди напряженно следили за тем, как волны бьют о корпус, ветер усиливался, срывая с гребней белую пену.

РАДИОГРАММА бедствующего судна была получена в Новороссийске в 4 часа 50 минут утра. Через тридцать минут из порта вышел буксир «Джагарлыч». На его борту к месту аварии прибыли командир группы аварийно-спасательных судов Николай Александрович Шульга, инженер Георгий Лукич Артюхов, представители портовых властей.

Вслед за ними к «Лорду Гладстону» подошел водолазный катер. В то время как матросы британского судна принимали швартовы, водолаз Вениамин Яковлевич Кузьминых уже спускался на дно моря. Спасатели не теряли ни минуты. Борьба за жизнь судна началась под водой. Кузьминых прошел вдоль корпуса «Лорда Гладстона».

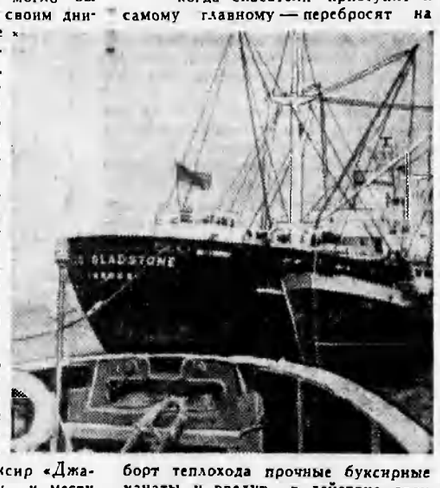
Водолаз подвергался большой опасности. Сильный накат с правого борта то и дело сбивал его с ног. Камни, поднятые волной, угрожали помять шлем. Кузьминых не сообщал об этом со дна моря. Он знал, что нужно быстрее осмотреть подводную часть корпуса, чтобы принять решение: в какую сторону и каким образом удалось бы стянуть с мели теплоход длиной сто сорок метров и водоизмещением двадцать тысяч тонн.

Все понимали, что для этого нужно снять хотя бы часть груза. А сколько продлится разгрузка в открытом море? Позволит ли погода выполнить эту первую часть операции? Если ветер с четырех баллов достигнет шести или восьми, — никто не поручится, что «Лорд Гладстон» вернется из этого рейса.

...Водолаз завершил свой рискованный рейд вдоль бортов теплохода, и тут же началась разгрузка.

А вечером нагрянула гроза. Тяжелые облака сгрудились над морем, загрохотал гром, хлынул ливень... С рассветом, когда погода улучшилась, возобновилась разгрузка. К этому времени возле «Лорда Гладстона» стояли уже два мощных буксира — флагман Новороссийской аварийно-спасательной флотилии «Посейдон» и «Ледокол-2», вызванный из Керчи.

КАПИТАН «Лорда Гладстона» с нетерпением ждал минуты, когда спасатели приступят к самому главному — перебросят на борт теплохода прочные буксирные канаты и введут в действие свои машины.



Наступил третий день с того злополучного рассвета, когда «Лорд Гладстон» послал сигнал бедствия. Старший штурман доложил капитану:

— Русские намерены подать нам буксир.

— Сколько они выгрузили?

— Тысячу шестьсот тонн.

— Они должны снять две тысячи четыреста.

— Но они все-таки хотят подать нам буксир, — повторил старший штурман. — Завтра воскресенье, они, наверное, желают отдохнуть...

— Завтра может пожаловать норд-ост. Как его здесь называют — «бора»?

— Так точно, сэр.

— Принимайте буксир.

«Посейдон» и «Ледокол-2» завели на корму «Лорда Гладстона» буксирные тросы. Инженер Артюхов высадился на его борт, прихватив с собой радиста с аварийной рацией.

Машины спасательных судов заработали на полную мощность, натянулись толстые стальные тросы. Несколько минут с борта «Лорда Гладстона» не доносилось никаких сигналов. Молчал Артюхов, молчали матросы, столпившиеся на корме. Потом послышалось из репродуктора:

— Судно шевельнулось...

Капитан стоял на мостике. Впервые за три дня на его угрюмом лице скользнула улыбка.

Судно было на плаву. Еще раз спустились на дно водолазы, осмотрели его корпус, доложили: — Никаких повреждений нет.

К «Лорду Гладстону» подошел лоцманский катер. Можно было ввести спасенное судно в порт.

МАТРОСЫ британского теплохода возвращаются из театра. Судя по тому, как они оживлены, с какой искренней радостью благодарят переводчицу, — спектакль им понравился. Капитан все еще сидит в своей прокуренной каюте, склонившись над пишущей машинкой. Не легкая это задача — доложить судовладельцу о том, как потерпел бедствие и как был спасен от гибели «Лорд Гладстон»...

НОВОРОССИЙСК

На снимке: Спасательное судно «Посейдон» берет на буксир теплоход «Лорд Гладстон».

Фото электромеханика «Посейдона» И. Гребенникова

В РЕДАКЦИЮ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

СУВЕНИРЫ И РУТИНЕРЫ

ВОТ УЖЕ насколько лет я занимаюсь изготовлением различных фигурок из морской ракушки. Дело это может показаться на первый взгляд маленьким. Но я придаю ему большое значение: ведь сколько еще у нас в магазинах под видом сувениров продают безвкусных и пошлых вещей!

Работу мою заметили и расхвалили. Но, когда дело дошло до организации массового производства, запросили московский Художественный фонд. И получили решительный отказ: «Это уникальные вещи, сувенирами они быть не могут». И резолюция решила дело.

А про себя скажу, что людям в глаза смотреть стыдно. Так рекламировали человека, а он оказался обманщиком. Правильно ли все это?

А. ПОГРЕБЕНКОВ

Наш корреспондент сообщает:

НАЧНЕМ по порядку. Несколько лет назад владивостокский скульптор А. М. Погребенков увлекся изготовлением изящных безделушек из морской ракушки. Да, именно безделушек. Он никаких иллюзий на этот счет не строил. Тонконогая задумчивая цапля. Разъяренный пудель размером с мизинец. Какая-то фантастическая птица. Но, должно быть, не случайно в краевом Музее имени Арсеньева у стенда, где экспонированы образцы этих изделий, постоянно толпятся посетители. А работников музея забрасывают вопросами: где это приобрести? Ведь такой необычный, изящный сувенир не часто встретишь...

А приобрести, оказывается, негде. Не продается.

Когда в местном универмаге была устроена выставка приморских сувениров, работы А. М. Погребенкова единодушно получили восторженную оценку. О них писали в местной газете «Красное знамя». Им была посвящена специальная телепередача, сюжет в киножурнале. Что-что, а шум поднять сумели...

Но, кроме шума, оказывается, нужна была еще и реальная помощь художнику. А ее-то до сих пор и нет.

Я встретился с Анатолием Михайловичем.

— Что вы думаете об организации производства?

— А очень просто. У нас есть художественное училище. Многие студенты-старшекурсники согласны работать в свободное время в мастерской, если бы она была в городе. Я готов обучать их. Для них — приработок к стипендии и навык, для дела — польза. Потом они сами стали бы инструкторами, а на смену им пришли бы новые студенты. Вот и все. А «сырья», сами знаете, — запас неисчерпаемый. Море — оно круглый год работает...

Действительно, как просто. А что же в таком случае мешает?

— Сами понять не можем, — пожимает плечами председатель Приморского Союза художников Н. Борисов. — Видите ли, санкцию на производство таких сувениров должен был дать Художественный фонд СССР. Оттуда приехали представители. Посмотрели, повертели, повосхищались и убежденно заявили:

— Такие изделия сувенирами быть не могут!

Для потребителей (судя по отзывам тех, кто побывал на выставке и кто посещает музей) — могут. Для торгующих организаций (а я интересовался и в ГУМе, и в ювелирторге) — могут. А вот для членов комиссии — не могут.

А комиссия — это же сила! Так и остался без ответа вопрос: признавать изделия А. М. Погребенкова сувенирами или не признавать?

И для руководителя управления культуры Н. Рязанцева этот вопрос также остался без ответа. С одной стороны, Николай Васильевич искренне восторгается: нравится! А с другой — как-никак, мнение комиссии...

А художник мучается. И доброе дело стоит...

Г. ХАЛИЛЕЦКИЙ

ВЛАДИВОСТОК

ТАМ, ГДЕ НЕВЕЖЕСТВО ПРОЩАЕТСЯ

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

ТАК готовят организаторов сельской культуры. А возьмите другой вопрос: часто ли вы услышите в селе игру на скрипке или фортепьяно? Нет, пока гармонь-матушка продолжает царствовать на сельских вечерах. А почему? Нет инструментов? Да нет, любой колхоз в состоянии приобрести инструменты — беда в другом: играть-то некому! Не посылают, как правило, на село ни пианистов, ни скрипачей, как, впрочем, не посылают туда ни хормейстеров, ни балетмейстеров.

Мне могут сказать: эка, чего захотел! Симфонический оркестр на хуторе! Балет на станичной сцене!

Нет, все мы понимаем, что возможности насытить села, так сказать, до полной их потребности первоклассными музыкантами, балетмейстерами и режиссерами драмы — такой возможности пока нет, это дело будущего. Но кое-что, — причем совсем немалое, — в этом направлении можно сделать уже сегодня.

Скажем, почему не подумать о создании факультетов культурно-просветительной работы в педагогических институтах и университетах? Почему не установить, что в культпросветучилища принимается непременно одаренная молодежь и непременно с десятилеткой?

А города, в том числе и столица, — разве они не могут поделиться с селом какой-то частью своей творческой интеллигенции? Прикиньте-ка, сколько их, выпускников консерваторий, музыкальных, театральных и художественных училищ, пробавляется в городах случайной и порой неинтересной работой. А как бы их встретило село!

Года три тому назад мне пришлось быть в станице Георгиевской Ставропольского края. Там я познакомился с директором колхозного Дворца культуры Владимиром Никифоровичем Лысенко. Судьба его сложилась оригинально. Владимир Никифорович был артистом Саратовского театра оперы и балета. В отпуск он вместе с женой приехал к себе на родину. Председатель колхоза, родные и близкие поставили дорогого гостя в самое что ни на есть затруднительное положение. Они повели его во вновь выстроенный Дворец культуры и посетовали на то, что в станице нет подходящего человека, которому можно было доверить руководство таким богатством. Дело закончилось тем, что артист-профессионал из большого города согласился остаться в родной станице. Ему предоставили хорошую квартиру, положили скромный, но соответствующий его рангу оклад.

Не знаю, где сейчас Владимир Никифорович, но в то время Дворец культуры колхоза «Путь к коммунизму» пользовался таким успехом, что ему мог бы завидовать не один городской театр. Влюбленный в свою профессию, Владимир Никифорович создал в колхозе детскую балетную студию, большой хор, танцевальный ансамбль, подготовил около трех десятков солистов и терпеливо разучивал с ними оперные арии и романсы.

В моей фонотеке до сих пор хранится ария, которую пел на этом концерте сам директор Дворца культуры. В то время в зале этого дворца проводились интересные диспуты, вечера отдыха, читательские конференции, концерты. И я видел, с каким уважением кланялись Владимиру Никифоровичу колхозники, когда он проходил по станице.

И вот давайте представим себе, с какой радостью восприняла бы деревня, скажем, такую инициативу. Комсомольские организации Москвы, или Ленинграда, или других крупных городов объявляют призыв либо добровольную мобилизацию творческой интеллигенции на село. Этих людей направляют заведующими клубами, руководителями кружков художественной самодеятельности, преподавателями пения и музыки в сельских школах. Любой колхоз или совхоз — я в этом убежден совершенно — в состоянии предоставить такому человеку квартиру, по достоинству оплатить его труд. Вот если бы накануне Пленума ЦК КПСС прозвучала на всю страну такого рода инициатива!

И ЕЩЕ хочется сказать вот о чем. Конечно, нелегко в короткий срок пополнить армию сельских культработников хорошими специалистами, талантливыми организаторами. Но задача эта могла быть решена значительно быстрее, если бы мы смогли, наконец, покончить со страшным бичом сельского просветительства — нередко встречающимся безответственным отношением местных организаций к очагам культуры на селе. Вот в Неклиновском районе Ростовской области был такой случай: председатель одного колхоза закрыл клуб и открыл там ветеринарную лечебницу. Я в те дни был в районе в составе бригады обкома КПСС и вначале подумал, что в колхозе сложилось бедственное положение с животными, поэтому председатель пошел на этот шаг, не имея никакого другого выхода. Оказалось, ничего подобного! Сделано было все это по знакомой и пока еще живучей формуле: «моему идраву не мешай!». И сделано не как-нибудь, а, так сказать, с вариациями на местные темы. Зал клуба перегородили на две половины. В одной, где остались двери, разместили ветлечебницу, а в другой, где остались одни окна, разрешили продолжать и дальше культурно-массовые мероприятия. Во все концы пошли письма, жалобы, возмущения. Привести в чувство авторов этого эксперимента удалось только после вмешательства обкома партии.

Я знаю, что работники органов Министерства культуры, пользующиеся статистикой, могут сказать, что картина культурной жизни села не столь, дескать, безрадостна. Статистика и впрямь может успокоить. Всмотришься в годовой статистический отчет любого областного управления культуры, — в глазах рябит от «птичек» и «галочек». Но сколько среди них мертвых «птичек»! Нет, если мы думаем всерьез поднимать уровень идеологической работы, надо куда взыскательнее подходить и к статистике, и к практике культурной работы на селе. То положение, которое сложилось с кадрами культурно-просветительных работников, совершенно ненормально. И об этом надо говорить во весь голос!

ГАЙДАРУ — ТИМУРОВЦЫ

Герои его книг многомиллионным краснозалстучным отрядом шагают по стране. Они узнали, что в Каневе, там, где похоронен Аркадий Гайдар, есть детская библиотека его имени. Находится она в старом, плохо оборудованном здании, где нельзя разместить экспонаты, развернуть экспозицию. Тимуровцы решили построить новое здание — большое, светлое, красивое.

И вот весной 1961 года в украинской пионерской газете «Юный ленинец» было напечатано обращение тимуровцев ко всем пионерам и школьникам Украины. В Государственном банке был открыт специальный «гайдаровский счет» — № 70035. Сюда школы перечисляли деньги, полученные отрядами и дружинами за собранный металлолом, макулатуру, лекарственные растения.

Юных ленинцев горячо поддержали молодые архитекторы и строители. На общественных началах был создан проект гайдаровского дома в Каневе. Он одобрен Госстроем УССР, и скоро рабочие начнут возводить первую в стране пионерскую библиотеку-музей Аркадия Гайдара.

Т. ВОЛЫНСКИЙ

НА МЕЖДУНАРОДНЫЙ СЕМИНАР

12 июня 1963 года в Финляндии, в городе Лахти, начинает свою работу Международный семинар писателей, в котором примут участие писатели скандинавских стран, СССР, Чехословакии, Польши, Югославии, Франции, Англии и США.

Основная тема семинара — «Писатель и мирное сосуществование». В программу включены также лекции, встречи с читателями, дискуссии, экскурсии и т. д. В семинаре примет участие около сорока писателей.

В Финляндию выехала советская делегация. В ее составе: лауреат Ленинской премии Чингиз Айтматов, критик Владимир Ермилов, председатель правления Союза писателей Карельской АССР Анти Тимонен.

Румынские писатели в Москве

Вчера в Москву прибыла делегация Румынского союза писателей. В ее составе: Ион Брад, секретарь правления Союза писателей РНР и заведующий секцией поэзии, Владимир Колин, прозаик и переводчик, Мирча Сынтимбряну, прозаик, Ион Хобанэ, прозаик. В Шереметьевском аэропорту гостей встречали: секретарь правления Союза писателей СССР К. Воронков, ответственные работники правления Союза писателей СССР.

Румынские литераторы пробудут в СССР две недели.

Расул РЗА

Умер человек

ПАМЯТИ НАЗЫМА ХИКМЕТА

Умер друг.
Среди людей он был
из самых лучших —
словом своим,
делом своим,
мечтой своей.
Умер брат.
Земля горит от этой муки,
листья,
точно стужею побитые,
горят.

Плачет сердце.
Я сказал:
ах, почему не дожил он
до будущего мая!
Нет, до будущего лета, —
возразило сердце мне.

Нет, —
сказал я, —
хоть до будущего урожая...
Нет, до будущей зимы, —
сказало сердце мне...

Что мне делать,
где найду я силу
мертвое
поцеловать чело
у того,
чей каждый день
был днем всей жизни мира,
у того,
кто уходя оставил миру
сердца своего огромного тепло,
кто носил в груди
людскую боль
и радость...
Он боролся,
жил по адресу:
такой-то город,
улица
и дом.

Умер
и живет отныне...
Адрес?
— Сердце миллионов,
Он навеки в нем.

Перевела М. ПАВЛОВА

ПОСЛЕ ФЕЛЬЕТОНА:

«КОШКА ПЕЛА СЕРЕНАДУ»

В редакцию «Литературной газеты» пришло письмо, подписанное первым секретарем правления Союза писателей Армении Эд. Топчяном, в котором говорится:

— Президиум правления Союза писателей Армении, обсудив литературный фельетон К. Серебрякова «Кошка пела серенаду», опубликованный в «Литературной газете» от 11 мая с. г., отмечает, что «Литературная газета» совершенно справедливо подвергла критике повесть Р. Петросян «Почему не вернулся, любимый мой!..». Эта грубо натуралистическая, антихудожественная повесть была помещена в результате нетребовательности редакции журнала «Советакан грананутюн» и его главного редактора С. Куртиняна.

Повесть Р. Петросян, как правильно указывается в фельетоне, не единственное сочинение такого рода, появившееся на страницах журнала. Серьезная ошибка редакции, о чем также писала «Литературная газета», — публикация рассказа Х. Рачиа «Двое у озера и черепаха».

Президиум правления Союза писателей Армении считает, что редакция журнала не сделала должных выводов из требований Центрального Комитета КПСС о высокой идейности литературы и искусства.

Президиум правления обязал редакцию «Советакан грананутюн» сделать серьезные выводы из критики журнала, резко повысить его идейно-художественный уровень.

Президиум правления обязал главного редактора С. Куртиняна вести работу в журнале на основе подлинной коллегиальности, регулярно и всесторонне обсуждать произведения, предлагаемые к печати.

Театральное обозрение

В ДОРОГЕ ИЛИ В ПОХОДЕ?

Т. ЧЕБОТАРЕВСКАЯ

...КОГДА на пустей, просторной, а благодаря отдаленным туманным бликам кажущейся чуть ли не безграничной сцене бегают, резвясь, юноша и девушка, когда шагают они друг за другом по вращающемуся сценическому кругу, словно и вправду меряя за километром километр, исподволь и незаметно рождается ощущение просторного и открытого мира, раскинувшегося вокруг Володи и Симы. Именно эти сцены, сцены пути, воплощают то поэтическое начало, которое, вероятно, и привлекло Театр имени Моссовета к пьесе «В дороге».

Что же иначе? Ведь не повторение ставшего в нашем искусстве за последние годы опасно-банальным надуманного «конфликта» старших и младших, отстаивающих и низвергающих, «делающих» и «размышляющих» заинтересовало театр. Нет, и театр, и В. Розов сознательно отказались от попытки разрешить эту искусственно раздуваемую, схоластическую проблему.

В спектакле (режиссер И. Анисимова-Вульф) возникает иная, чем в сценарии «А, Б, В, Г, Д...» тема — тема поэтического осмысления действительности, влияния жизни, реальных людей и реальных событий на формирование молодого характера.

Молодой человек — в дороге. Люди, судьбы проходят перед ним. Об этом рассказывает, это показывает нам театр. Но именно в данном случае возникает необходимость убедительно раскрыть: а что же все-таки заставило юношу сперва «обидеться» на жизнь, а затем по-новому увидеть ее?

Многое в пьесе и спектакле мешает в этом разобраться. Ну, хотя бы то, что единственным человеком, способным размышлять, оказывается все тот же Володя (артист Г. Бортников). А окружающие его (от сентиментальной мамы — Л. Шапошниковой и бодрячка-партизана дяди — Г. Слабиняка до уныло-добродетельных друзей Симы, сверстников Володи) люди недалекие что ли, объясняющиеся с помощью особых, словно специально для положительных сценических героев придуманных штампов человеческого разговора.

Вряд ли помогли «перерождению» Володи и короткие, беглые встречи с родными в Сибири. Путевой обходчик, врач, шофер — нет, знакомство с ними тоже не было решающим, необходимым, оно могло лишь несколько оттенить то важное и главное, то по жизни достоверное, с чем должен был встретиться герой.

Что же стало этим главным для Володи?

Может быть, завод, радость труда? Но эпизоды плавки стали, когда между кулис полыхает что-то красное и герои в брезентовых, как будто нарочно неудобно сшитых рабочих костюмах тыкают туда длинными железными палками, выглядят в спектакле по меньшей мере бутафорскими.

Скорее всего Сима, но не та, которая существует в Театре имени Моссовета: Н. Дробышева играет ее с каким-то необъяснимым усердием, часто подменяя подлинное чувство поспешным воспроизведением его внешних примет. Сима — это человек, который, поверив в Володю, а может, и пожалев его, так или иначе вывел юношу из плена придуманных заблуждений. Человек, чья заинтересованность в судьбе юноши, чье активное желание помочь Володе заставили его увидеть людей и события в истинном свете.

Два молодых героя — две различные человеческие индивидуальности, два разных взгляда на мир: созерцательное, пассивное — у Володи и смелое, активное — у Симы. Однако в центре сценического повествования, — к сожалению, Володя, ему отданы симпатии создателей спектакля, он-то и составляет предмет размышлений, предмет забот театра.

Позиция героя, его мировосприятие повлияли на весь идейно-художественный строй произведения. Театр, хоть и проделал вместе с писателем большой труд, хоть и есть в спектакле удачные находки художника А. Васильева и ряд интересных решений, предложенных режиссером, не сумел, да, вероятно, и не в силах был преодолеть недостатки драматургического материала. Герой так и остался созерцателем, бредущим, не вторгаясь в жизнь, не переустраивая ее.

НОВЫЕ спектакли этого сезона... Их много, десятки, а может быть, и сотни. Они разные — хорошие и плохие, наивные или мудрые по мыслям, по идеям, заключенным в них, своеобразные или подражательные, ставшие новым словом в театральном искусстве, или такие, где поиски, предпринятые режиссером, не были внутренне оправданы. Как, по какому принципу объединить все многообразие этих работ? Да и возможно ли это? Каждая новая постановка — новая проблема, каждый спектакль говорит о своем.

И в каждом — раскрывается позиция художника.

Часто, обсуждая продукцию нашего кинематографа, мы сетуем на «серость», на эпигонскую серийность многих выпускаемых картин, пытаемся разобраться в причинах, порождающих унылое, бесстрастное подражательство — чему? — более талантливым собратьям по творчеству или чуждым нам зарубежным образцам. Но ведь, по существу, то же происходит и в искусстве театральном. Сейчас, накануне Пленума ЦК КПСС, с особым удовлетворением отмечаешь, что советская пьеса заняла в этом сезоне преобладающее место, с новыми произведениями выступили драматурги ведущие, сразу и смело шагнула вперед целая группа молодых писателей.

И тем не менее, как мало все-таки появилось в этом сезоне спектаклей-событий, спектаклей, в которых художники сцены выступали бы активными борцами за переустройство мира. «Спектакли вообще», хорошие или плохие, спектакли средние, вот, кажется мне, одна из бед этого сезона.

А как это важно, когда в произведении звучит любимая мысль художника, когда отчетлив его взгляд на мир, как важно, когда художник знает, во имя какой идеи, какой страсти «лепит» он спектакль!

Б. Равенских поставил пьесу Луиджи Скуарцина «Романьола». Ну, право же, сценическое представление, идущее под этим названием, мало общего имеет с произведением итальянского драматурга, где в центре — страдания несчастной и путаной души, метания девушки из Романьи, Чечилии Борги, ставшей предательницей. И дело, конечно, не в том, что режиссер оснастил спектакль находками, которых хватило бы на три представления, не в том, что у зрителей в первом акте спектакля даже дыхание захватывает — так ошарашены они постановщиком. Что герои пляшут, а круг вертится, а волны моря настигают сушу, скрывая действующих лиц... И в небольшом перерыве между сценами в одной ложе играет гитарист, в другой патетическая мелодия исполняется на баяне.

Может, все это и не нужно было?

Однако втянувшись в атмосферу происходящего, оказываешься завороженным силой режиссерского темперамента, его неутолимым желанием увлеченно, страстно утвердить свое мировосприятие. Успех спектакля решило то, что постановщик сумел, пойдя на смелое переосмысление пьесы, выдвинуть на первый план Микеле Фоскини, сделать его, батрака, художника, солдата, сражающегося за революцию, центром сценического повествования. Рядом с Микеле, лишь оттеняя и объясняя его судьбу, развертывается сложная история Чечилии... И спектакль (Б. Равенских нашел прекрасных помощников и в лице художника И. Сумбаташвили, и в исполнителях главных ролей, прежде всего — своеобразном актере Л. Маркове) звучит как гимн борьбе за справедливость, как страстный призыв бороться за свободу.

Театр имени Пушкина переосмыслял произведение драматургии, чтобы прославить активное начало в жизни человека, чтобы противопоставить душе мечущейся героя борющегося.

Позиция художника, его идейная страстность, его политическая программа, его художническая точка зрения — вот что важно, вот что определяет и место героя в жизни, и всю художественную концепцию произведения. А проявляться они могут в самых по манере разных пьесах, спектаклях, вовсе и не схожих по почерку, интонации. И таких, как «Романьола», и таких, к примеру, как «Перед ужином» в Центральном детском театре. Эта пьеса написана в привычной для Розова мягкой, «приглушенной» манере, однако спектакль А. Эфроса несет большой заряд жизнеутверждения, стремления делать жизнь.

Еще пример.

...Сцена Московского театра имени Ермоловой. Тихий, по всем приметам как будто камерный спектакль «При свете дня». Десяток действующих лиц. Четыре стены обыкновенной московской комнаты. Правда, порой стены эти раздвигаются, чтобы включить в ход рассуждений создателей спектакля — воспоминания героев, их прошлое, которое во многом определяет настоящее. Смотрите, вспоминайте, как бы говорят они, а теперь взгляните вокруг — не иными ли покажутся вам в свете прошлого настоящее, сегодняшние люди и сегодняшние поступки, озаренные лучом воспоминаний?

Простые люди и простые судьбы, рассказанные с той неторопливой сдержанностью, которая напоминает лучшие прежние спектакли ермоловцев (чем-то «Спутников», чем-то «Старых друзей» и даже «Счастье»). И — так же как и те — это спектакль с отчетливо ощутимой позицией — и гражданской, и художественной. Спектакль — сдержанное, но убежденное требование: всмотритесь в человека наших дней. Узнайте его!

К сожалению, театр (режиссер Г. Лехциев) не нашел того последнего, окончательного решения, которое казалось бы для данного произведения единственно возможным. Не удалось создателям спектакля обрести необходимые в данном случае лаконизм и прозрачность, которые наряду со сложностью размышлений и составляют одно из особенных свойств произведений Эм. Казакевича. Эти потери обидны. Но они не зачеркивают спектакль, ясна устремленность мысли произведения.

НЕ МЕНЕЕ отчетливо проявляются идейно-творческие позиции художников сцены и при работе над классикой. Одни классические спектакли последнего времени свидетельствовали о стремлении их создателей к буквальному, пусть несколько старомодному, и все-таки привлекательному воспроизведению пьес, выдержавших испытание временем. Другие — о том, что призыв Н. В. Гоголя взглянуть на произведения прошлых лет «свежими и нынешними очами» был воспринят как совет искать пути переосмысления их, непременно отыскивая в них прямое соприкосновение с настоящим. И москвичи с недоумением смотрели «Ричарда III», который Куйбышевским драматическим театром (режиссер П. Монастырский) игрался чуть ли не как непосредственный отклик на недавние события жизни, связанные с периодом культа личности.

В серии самых разных классических спектаклей привлекают «Последние» в Театре имени Ермоловой, работа, в периодической печати оценки, по существу, не имевшая. А между тем постановка эта примечательная. Режиссер П. Васильев, художник Б. Волков расположили место, где происходит действие — квартиру Коломийцевых, — на сценическом кругу. Нет, они не выстроили стен и не прорезали в них окон, не опустили люстр, выдержанных в стиле эпохи. Одежда сцены — черный бархат. А на кругу — вещи, вещи, и составляющие эту самую квартиру, населенную «последними»...

В тесноте стиснутого хламом бытия, прижатые друг к другу вплотную то столом, то гигантским буфетом, то пухлым диваном, живут эти люди, раздираемые непреодолимыми противоречиями. Живут люди-враги. И никому из них не вырваться, не уйти. А черный бархат словно отгораживает их от мира, лишая их сил, прав, возможности сражаться за себя, за жизнь...

Спектакль поставлен без каких бы то ни было нарочитых попыток сместить события во времени, «модернизировать» Горького. Но и сегодня пьеса Горького звучит с непреходящей силой, разоблачая мир стяжательства, мир своекорыстия.

ТАК ОДИН за другим выходят на сценические подмостки спектакли, в которых проявляется и свое видение художниками сцены жизненного материала, и своя активная, смелая позиция в творчестве. Выходят, обогащая прекраснейшую традицию советского театра, создавшего и в последние годы десятки произведений (список их можно начать «Третьей патетической» в Художественном театре, «Оптимистической трагедией» в Академическом театре имени А. С. Пушкина, вслед перечислить разные воплощения «Океана» и «Иркутской истории», добавив «Антеев» в Театре имени Моссовета, веселое «Яблоко раздора» в Театре сатиры, патетическое повествование «День рождения Терезы» в Московском театре имени А. С. Пушкина, вспомнить «В добрый час!» в ЦДТ и многое, многое другое), спектаклей, которые вели умное, страстное, активное сражение, утверждая, низвергая, объясняя.

МНОГИЕ зрители знают ленинградского режиссера И. Ольшванера по его предыдущим постановкам как художника, обладающего ясностью идейно-творческих взглядов. Но вот — его последняя работа. «Танцы на шоссе» в Академическом театре драмы имени А. С. Пушкина. Спектакль сразу привлекает внимание. Изгиб дороги на первом плане (тот самый отрезок шоссе, на котором по вечерам танцует молодежь), легкие простые декорации комнат или летнего кафе, на ниточках опускающиеся плоские, словно игрушечные, детали пейзажа и тонкие, как лучи, пробивающиеся сквозь зелень деревьев, как струи летнего дождя, — струны, пучками натянутые в глубине сценической площадки. Все это создает изящную и легкую «упаковку» спектакля. Спектакля — о чем?

...Великолепно играет роль ретрограда отца Ю. Толубеев. Играет, легко находя мостки, переходы там, где рвется мало-мальски убедительная жизнь образа. Вместе со всем театром он высмеивает своего героя, в то же время осторожненько приоткрывает уголок души его, простой, преданной, настоящей.

Однако во имя чего же ведет свои сражения с толстым стариком в полосатой пижаме театр? Злой угловатый юноша, сын его (артист А. Боярский) хамит отцу, наконец, уходит из дома совсем, к молодой жене, с которой довольно быстро начинает обращаться столь же грубо. Толстый человек (на этот раз не в пижаме, а в старомодном костюме, который ему каким-то образом все еще не удалось доносить) со слоновьей деликатностью преследует собственного отпрыска, пытаясь разными способами всучить ему свою наивную любовь. Смешно? Вероятно. Во всяком случае, театр быстренько со стариком расправляется, а молодому ученому, лежащему вместе со своими юными друзьями на подушках вокруг расстеленной на полу скатерти, здесь же, непосредственно на полу, другой ученый (тоже молодой, но уже менее целеустремленно двигающий вперед науку) делает сказочное по перспективам деловое предложение. Ну, будущий Эйнштейн от этого предложения, естественно, отказывается (он выше и так далее), чем окончательно низвергает «папу».

Что же, наверно, театр стремился сделать доброе дело, доказывая право молодости, силы, таланта самостоятельно решать свою жизнь. Но ведь право это, по существу, в пьесе никем и не оспаривается! И еще: почему же драматурги З. Гердт и М. Львовский, а вместе с ними и театр не положили в вещевой мешок молодому герою такие доступные, такие необходимые для жизни вещи, как человеколюбие, уважение к чужим идеалам и даже к чужим заблуждениям, да и само уважение к людям... Или это младшему поколению ни к чему?

Изящный спектакль оказывается спектаклем жестоким, обаятельный — холодным, отстаивающий права молодости — обедняющим ее. И глядя на этот привлекательный внешне спектакль, невольно думаешь: какое разнообразие форм может принимать обыденное, как часто ординарное по мысли, убогое по размаху чувств, далекое от правды жизни выдает себя за открытие...

Что же, поверить, что в спектакле этом проявилась позиция художника, его серьезные рассуждения о жизни? Вряд ли. Скорее — дань дурной моде, легкое увлечение проблемами, которые одно время в нашем искусстве трактовались как очень уж «прогрессивные».

* * *

...Когда перебираешь в памяти последние театральные впечатления, неожиданно возникает ассоциация с дорогой.

Идет по сценическому кругу юноша, Володя, герой спектакля Театра имени Моссовета. Он видит то, что ему «подкидывает» жизнь, видит людей, наблюдает случаи. Одно оставит в душе его отпечаток, другое проскользнет мимо. Он просто идет...

Иное дело, когда художник отправляет своего героя в поход, когда ясна ему цель и знает он, во имя чего тот послан. Когда герой шагает, пусть стирая ноги, но идет, чтобы сделать, чтобы завоевать. Мир расстилается перед ним не серией случайных, а потому и малоинтересных изображений, мир, люди, события и судьбы нуждаются в нем, в его разуме, в активной силе его рук, в доброте его души. И он — с ними.

Новые стихи

Евг. ДОЛМАТОВСКИЙ

Встреча с электронной машиной

Тот вал, в торжественности тронной
Таивший холодность и спесь,
Машине счетно-электронной
Был безраздельно отдан весь.
В дверь вычислительного центра
Вход посторонним воспрещен,
Но два очкарика-доцента
Переступили свой закон.
Какой я посторонний, если,
Когда других заданий нет,
Машина складывает песни
В сто раз быстрее, чем поэт:
И, дверь святыни отворив, мы
Вошли в сплетенье пестрых жил.
Мне все, что есть на свете, рифмы
Доцент исчислить предложил.
Но я не принял предложенья...
На пульте вспыхивал и гас
Старинной сказки продолженьем
Опасный желтый волчий глаз.
В бесстрастном ритме вычисленья
Не конденсатор и реле,
Мне виделись — огни селенья,
Как путнику в буранной мгле.
Программа есть и есть задача,
Ответы сходятся точь-в-точь,
А можешь ты, смеясь и плача,
Весь век, всю жизнь, весь день, всю ночь
Одно-единственное слово
Ловить, придумывать, искать
И находить его, и снова
Из рук, как птичку, выпускать?
Попробуй, поломав программу,
В командировочную тьму
Послать такую телеграмму,
Что я ни слова не пойму.
А можешь — ну хотя б на ушко —
С научным видом доложить
Точней, чем за рекой кукушка,
Как долго мне осталось жить?
А ты способна ли ответить,
Шифр из стозначных цифр гоня:
Та, что упрямей всех на свете,
Не любит, любит ли меня?
Вот электронный мозг в коробке,
Но где она, твоя душа?
Ага? Молчишь...
Мерцают кнопки.
И лента движется шурша.

Солдатик

Шли влюбленные в ночь,
в целом мире один,
На пути светлячка увидали они.
Светлячок,
Посвети,
Маячок
На пути,
Путеводны для счастья
такие огни.
Это было в осеннем лесу
под Москвой
Или в дальней Сибири,
в тайге буревой.
Человечности
Свет
Или вечности
След,
Золотой голубой огонечек живой.
Может, юноша на светлячка
наступил,
Но погас огонек,
лишь рассвет наступил.
Только был
Этот свет,
Вот и сплыл,
Вот и нет.
Но он все-таки был,
и сиял, и светил.
Ты вглядись в травяной
удивительный мир,
Вон солдатик-жучок —
черно-красный мундир,
Он напился росы
И расправил усы,
Как бывалый солдат
и лихой командир.
И влюбленные
не догадались о том,
Что солдатик
в своем назначенье ночном
И горел, и светил,
Не жалел своих сил
И остался неузнанным
солнечным днем.

МОЛОДОСТЬ ДУШИ И ТАЛАНТА

ТИХОНУ ХРЕННИКОВУ — пятьдесят лет. Любители музыки в нашей стране и за рубежом горячо поздравляют талантливого композитора. На стол к юбиляру пачками ложатся письма и телеграммы на десятках языков. Пишут из старинного русского города Ельца, где родился композитор, пишут друзья-музыканты из Праги, из Ленинграда и Парижа, из Токио и Берлина. Но самая радостная весть пришла вчера: за выдающиеся заслуги перед советским музыкальным искусством Тихон Хренников награжден высшей наградой — орденом Ленина.

Своею простой и ясной, по-русски сердечной музыкой Тихон Хренников дарит людям много радости и счастья.

С середины тридцатых годов звонко зазвучал в могучем хоре нашей многонациональной музыки самобытный голос композитора. Талант его сразу выделился молодостью, редким душевным здоровьем, простым и ясным «тоном». Сегодня мы можем уверенно сказать, что в деле развития советской музыки, становлении и утверждении в ней принципов социалистического реализма творчество Хренникова стало важным и действенным художественным вкладом.

Много произведений написал за эти годы композитор. Оперы, симфонии, инструментальные концерты и песни, песни, песни, одна другой ярче, интересней. Произведения Хренникова стали неотъемлемой частью нашего музыкального быта. Совсем недавно прозвучала оперетта «Сто чертей и одна девушка», хорошо принятая слушателями. Ныне композитор приступает к новой ответственной работе: он пишет балет «Двенадцать» по поэме Александра Блока.

Миллионы любителей музыки ждут от Тихона Хренникова новых ярких произведений, воспевающих нашу жизнь.

А. МЕДВЕДЕВ

КЛАССИКА СОВЕТСКОЙ ИЛЛЮСТРАЦИИ

О. ВЕРЕЙСКИЙ. Иллюстрация к роману М. Шолохова «Тихий Дон».

Дни латышской литературы в РСФСР

КНИГИ ДРУЗЕЙ

Сегодня мы публикуем рецензии на новые произведения латышских писателей.

РАССКАЗЫ И РАССКАЗЧИКИ

«В МОЕМ распоряжении был ровно месяц, чтобы отдохнуть от кропотливой зимы, куда-нибудь съездить, а потом написать обо всем, что видел и слышал... Забрался я нарочно подальше, где не знал ни души, — ведь в чужой стране, среди новых людей скорей набираешься впечатлений. Но время шло, уже близился к концу мой отпуск, и тут-то я понял, что месяц, в сущности, ничтожный срок по сравнению с тем, что у нас впереди, а посему чувствовал себя человеком, вознамерившимся было ложкой вычерпать море».

В этих начальных словах рассказа Эвалда Вилкса «Зеленое древо» не только удивление перед многообразием жизни, но и уважительное, я бы даже сказал, почтительное отношение к жизненному материалу.

Оттого, видно, манера рассказчика Вилкса непритязательна, скромна до застенчивости. Но зато и вызывает доверие читателя. Мы верим автору, когда он признается: «Про некоторые дома я ничего не знаю, но здесь немало и таких, где живут мои новые знакомые». И он в свою очередь знакомит нас с ними — со стариком Ливикисом, который «у грузчиков за начальника», и с его сыном — «молодым Ливикисом», с бывшим кулаком Рогачем, он и сейчас живет не так, как все. Автор как бы ведет нас по станционному поселку, и один уже вид домов поселка многое говорит нам о его хозяевах. Свершаются события — умерла старая мать Ливикиса, надо ее хоронить, а пастор загулял, и об этом рассуждают грузчики, а заодно думают: как же поступить Ливикису-младшему — не стоять же комсомольцу рядом с пастором... Течет жизнь, ветвится могучее древо народной жизни. Внешне неброский рассказ вдруг оборачивается живой и точной в своих деталях картинкой этой жизни, вновь доказывая емкость жанра рассказа.

Верность реальной, непридуманной жизни отличает многие рассказы сборника. И в этом его главное достоинство. Жаль лишь, что отдельных рассказчиков подводит схема.

Рассказ Валдиса Кливерса назван многозначительно — «Лицом к лицу с правдой». И правда жизни в этом рассказе действительно есть. Но она, мне кажется, огрублена преднамеренностью замысла, потерей чувства меры. Автор сталкивает в довольно грозной ситуации (баржа оторвалась от каравана, и теперь ее несет на пороги к водопаду) семью Декениса, возвращающуюся в колхоз, и капитана Симаниса. Последний — прожженный циник, мелкий человечишка, раздраженный тем, что ему никак не удается расчистить «путь к пиршеству жизни». Характер его выявляется чуть ли не с первых реплик. Во время катастрофы он ведет себя как последний негодяй. И вдруг после этого Симанис начинает бурно «под занавес» перерождаться. Психологическая натяжка. Правда жизни тут отступает перед «волевыми» намерениями автора.

Налет схематизма встречается и у других авторов сборника. Но не схематизм определяет основное содержание рассказов, питающееся из родников жизни. Латышские рассказчики не уходят от сложностей и противоречий жизни, а, наоборот, идут им навстречу, пытаются в них разобраться. Вот большой рассказ Дагнии Зигмонте, уже отмеченный нашей критикой, — «Будь стойкой, Юта!». Герой рассказа, на первый взгляд, по всем статьям хорош: и отличный работник, и честен, и тянется к знаниям, культуре. И влюбляется он в Юту со всем пылом молодости. И все же будь стойкой, Юта, отвергни эту любовь! Ветхие представления о «порядочной жизни», проповедуемые мамашей Иевалда, еще прочно владеют его душой. Под внешней пристойностью притаилась старая-престарая суть жалкого мещанского мира.

Новое несет в себе Юта, несут герои других рассказов. Неожиданны рассказы Мартыня Калиндрувы «Хозяин богадельни Бабис» и «Асфальт». Долгое время жулик Бабис обирал вместе с волостными властями инвалидов Давиньской богадельни. Но вот пришла Советская власть, новые порядки. С веселым юмором показывает Калиндрува ту кутерьму, которую вызвала у инвалидов новая жизнь, и то полное, до идиотизма остолбенение, охватившее пройдоху Бабиса.

Как видим, сборник в пределах одного жанра весьма разнообразен. К тому, что упомянуто, можно было бы добавить интересные рассказы З. Скуиня, веселый рассказ Арвида Григулиса «Вот этому везет!..», забавные юморески Анны Саксе «Мой приятель строит дом» и «Китайский ковер» и другие. Можно лишь пожалеть, что авторы нигде не переступают за черту легкого юмора, — сатире в сборнике не нашлось места.

А в целом все-таки хорошо!

А. КОНДРАТОВИЧ

«Латышские рассказы». Изд-во «Советский писатель». Москва. 1962.

РЯДОВЫЕ РЕВОЛЮЦИИ

ЖАН ГРИВА написал новый роман «Любовь и ненависть». В нем он снова возвращается к своей старой любви — к Испании, к Интернациональной бригаде, бойцом которой в свое время был и сам автор.

Читатель хорошо знает испанские рассказы Ж. Гривы, написанные им вскоре после Великой Отечественной войны. Теперь, после многих лет, писатель счел необходимым вновь вернуться к этой теме, вновь напомнить читателю о событиях, предшествовавших второй мировой войне, о героической Испании, которая первой в Европе подняла меч против наступающей фашистской чумы.

Писатель много путешествовал. Он видел своими глазами, как паук свастики, оживая, опять поднимает голову, угрожая покою и счастью человечества. Долг писателя-гражданина — предупредить народы об этой опасности. И Жан Грива возвращается к пройденным дорогам, ярко и эмоционально повествует о борцах за свободу Испании, создавая глубокие, жизненно достоверные характеры этих людей.

Действие романа начинается в буржуазной Латвии накануне испанских событий. Рассказывая о судьбе своей маленькой родины, стонущей под игом фашизма, писатель переносит нас также и в другие страны Западной Европы. Это раздвигает рамки романа, помогая читателю понять желание прогрессивно мыслящей молодежи всех стран идти на помощь Испании.

В центре романа судьбы двух латышей — Бориса и Анатоля. У них общая дорога. Она началась в буржуазной Латвии, продолжается на фронтах Испании. Если Борис с первых же страниц романа — сознательный воин революции, то Анатоль становится им в сражениях за Испанию. Именно здесь, знакомясь с испанцами, с представителями других народов, Анатоль познает чувство интернационализма, подлинной дружбы, взаимного уважения.

Оставшимся в живых воинам Интернациональной бригады под давлением сил реакции приходится покинуть Испанию. Это трагедия.

...Мы уходим только на время, мы только временно побеждены. Придет день, когда Испания будет свободной! — с такими мыслями герои Жана Гривы покидают поле брани.

Да, борьба не окончена. Революция продолжается. Все чаще до нас доходят известия о революционных вспышках в Испании. Как бы ни бушевали сторонники кровавого режима Франко, народ Испании не покорен, он не будет покорен. Мировые события свидетельствуют о том, что назревают новые бури, что придет время, и многострадальная Испания подымется и сбросит иго фашизма.

Роман Жана Гривы современен, он учит читателя горячей любви, преданности революции и ненависти к фашизму.

Петер БАУГИС

РИГА

Жан Грива. «Любовь и ненависть». Журнал «Карогс», №№ 7, 8, 9, 10 за 1962 г. Рига.

ВЕСЕЛО И ОСТРОУМНО

СМЕХ, как известно, бывает всякий. Смеются по поводу и без повода. И уж если говорить о людях, которые специально призваны вызывать своим искусством смех у зрителя, слушателя и читателя, то, признаюсь, я поражаюсь их мужеству: как часто бывает так, что они силятся рассмешить, а вызывают скуку...

А ведь все мы любим смеяться! И от души радуемся по-настоящему остроумной шутке, талантливому юмору, острой сатире. Случается такое, прямо скажу, не часто, но, когда случается, это радует, радует до глубины души.

Вот и сейчас у меня такая радость: я прочитал книжку латышского писателя Мирвалдиса Бирзе «Строптивый утопленник». Признаюсь, раньше я не знал этого писателя, хотя нередко бываю в Латвии, а теперь он стал моим лучшим другом.

В предисловии к своей книге Мирвалдис Бирзе пишет: «...надо писать о серьезных вещах, и читатели будут смеяться». Это сказано в шутку, но в шутке этой есть своя правда. В лучших своих рассказах («Запутанное дело», «Вернемся к природе!», «Сколько дел у человека», «Вот это талант!», «Родословные», «Доктор Бишентроп», «Завтра будет лучше», «Трудная пациентка») М. Бирзе вовсе не пытается искусственно рассмешить нас, не старается быть нарочито остроумным. Наоборот, он подчеркнуто серьезен. Но случаи, взятые им из жизни, настолько забавны, остроумны и смешны, что не могут не вызвать искренней улыбки. И читая эти рассказы, я невольно думал: как наблюдателен их автор!

Мирвалдис Бирзе — врач и еще, по-видимому, страстный рыболов. Все, о чем он рассказывает читателю, взято из жизненной практики и отличается завидной достоверностью. Поэтому и юмор его — умный, точный, психологически оправданный.

Цель этой маленькой заметки — привлечь к «Строптивому утопленнику» внимание читателей. Я уверен, что они заинтересуются этой книгой. И не пожалеют об этом!

Сергей БАРУЗДИН

Мирвалдис Бирзе. «Строптивый утопленник». Авторизованный перевод с латышского Юрия Каппе. Латвийское государственное издательство. Рига. 1963.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Приношу сердечную благодарность всем организациям, друзьям и читателям, поздравившим меня с 70-летием.

Александр ДЕЙЧ

□ □

Приношу сердечную благодарность всем учреждениям и лицам, почтившим меня в мой 85-летний юбилей.

Н. ЛИКСАНОВ

Этот страшный снимок, сделанный в Бирмингеме, взят нами из западногерманского журнала «Ревю».

«Кровавые полосы на черной коже; зарево пожара над церквами предместья; крики и стоны, раздирающие ночь; злобные вопли заправил ку-клуксклана; разъяренные полицейские собаки, вонзающие клыки в черные тела...» — так описывает буржуазный журнал зверства американских расистов в городе Бирмингеме.

Публикуя фотографии, изобличающие американских извергов, «Ревю» рассказывает: «Против негров были брошены пожарные и собаки... Полиция не знала пощады: всякого, кто в тот черный день Бирмингема попадал в руки «блюстителей порядка», будь то демонстрант или прохожий, сшибали с ног, связывали и уводили в тюрьму... Пожарные водой из брандспойтов носили цветных граждан, точно сорную траву. Но пламенное стремление угнетенных к справедливости не погасить никаким пожарным мира».

Номер «Ревю», в котором события в Алабаме названы «днем позора», «черным днем» Америки, вышел в свет 9 июня. В тот же день международной общественности стало известно о новых расистских бесчинствах, — на этот раз в другом американском штате — Северная Каролина. В городе Лексингтоне ку-клуксклановцы устроили массовое избиение негров, зверски линчевали стариков, женщин, детей. Снова повторилось то же, что и в Алабаме: стоны раненых негров, злобные вопли расистов, бесчинства полицейских... Но никакие преследования и расправы не смогут остановить борьбу американских негров за свободу!

НЕПОКОРЕННЫЕ ПЕСНИ

ЭТО было почти четверть века тому назад, в апреле 1939 года. Группа бойцов республиканской армии после отчаянного сопротивления фалангистам перешла французскую границу, ища убежища в чужой стране. Колонна шла в мрачном молчании вдоль границы. Вдруг кто-то увидел, что из-за кордона на них глядят, усмехаясь, франкистские пограничники. Как допустить, чтобы враги видели их отчаяние? И вот над колонной взметнулась песня. Это была импровизация. Республиканцы пели ее на мотив давно полюбившейся им «Конармейской», но теперь слова этой песни были другие. Это была печальная и гневная клятва вернуться в Испанию, освободить страну от фашизма.

Так родилась первая песня нового испанского Сопротивления франкистскому режиму, одна из тех, которые, несмотря на полицейский террор, продолжают жить в народе. Их создают не только испанские эмигранты где-нибудь в Париже или в Тулузе, но и в самом сердце Испании.

Группа итальянцев — Серджо Либерович, Микеле Страньеро, Марго Галанте Гарроне и другие — ездила по Испании под видом туристов и пользуясь малейшей возможностью, записывала на ленте магнитофона или просто на клочке бумаги песни Сопротивления. И вот перед нами книга—«Песни нового испанского Сопротивления» (издательство Эйнауди, 1963). В сборнике по понятным причинам нет сведений о личности авторов или исполнителей песен. Известно только, что среди них были и интеллигенты, и рабочие, и студенты, и официанты, и рыбаки, и шоферы такси. И в большинстве случаев это были люди совсем молодые: испанская молодежь, которой твердят о бессмысленности гражданской войны 30-х годов, хранит в душе глубокое уважение к революционно-романтическим идеалам.

Выход «Песен» вызвал среди фашистов дикий взрыв негодования. Издатель Эйнауди обвинялся в том, что он оскорбил не только генерала Франко — «защитника Европы от марксизма», — но и чувства всех католиков.

...Все чаще раздаются голоса протеста против позорных деяний франкистских властей. Весь мир содрогнулся при вести о чудовищном убийстве героического сына народа Хулиана Гримау.

Нет прощения убийцам! Огонь борьбы разгорится в могучее пламя!

С. БОЛОТИН, Т. СИКОРСКАЯ

Песенка безработных

Вместо хлеба и котлет
лишь молебны на обед,
и работы для рабочих
тоже нет...

Для нас и хлеба нет,
для нас и неба нет,
для нас надежды нет
на горсть монет!

Где же ужин в поздний час?
Есть нам нужно в день
хоть раз!

Святой Антонио, вступись
хоть ты за нас!
Укрыться где бы нам?
Где взять бы хлеба нам?
Прогнать бы Франко нам
ко всем чертям!

Перевела Т. СИКОРСКАЯ

Мы клянемся!

Край родной за горами,
где дрались мы с врагами.
Мы шагаем по чужой земле,
но сквозь дали и годы
свет грядущей свободы,
как звезда, нам сияет во мгле!

Мы клянемся всем павшим,
жизнь за край наш отдавшим,
что вернемся в Испанию вновь,
и в борьбе беспощадной
с озверелою бандой
отомстим мы
за братскую кровь!

Ну, а ты, кровопийца,
подлый карлик-убийца,
что терзал наших жен и детей,
дверь открывший фашизму,
растоптавший отчизну,
будь же проклят ты, Франко,
— злодей!

Перевел С. БОЛОТИН

БЛОШИНЫЙ РЫНОК В ПАРИЖЕ

Николай АТАРОВ

Я ПЕРЕЛИСТЫВАЮ свои парижские блокноты, и меня огорчает малолюдность беглых заметок: на каждой страничке не лица, а вещи. Ты увез в своей памяти сияющую вечерними огнями эспланаду Елисейских полей, каменные ворота Сен-Дени, с которых пескоструйками счищают многовековой нагар, голубые росписи Пювиса де Шаванна в Пантеоне, гробницу Жан Жака Руссо с полуоткрытой дверью, из которой вечно светит факел в протянутой руке. Но где же люди? А людей маловато. Наверно, потому что плохо знаешь язык. Ты увез в памяти свое гостиничное окно с видом на площадь Республики и хмурую утреннюю толпу у Сен-Лазарского вокзала, запомнил нищих уличных художников на Монмартре и там же — пустые столики кафе, розовые скатерти на столиках, прижатые скрепками от ветра. У Триумфальной арки гид рассказал о том, как развлеклась компания молодых негодяев: они зажарили яичницу на вечном огне у могилы Неизвестного солдата. Какое было при этом выражение их лиц? Ты не можешь представить, хотя отчетливо видишь сковородку. Все-таки почему же так получается? Наверно, чтобы оценить вещь, не нужно ее любить или ненавидеть, а чтобы по-настоящему, глубоко понять человеческое лицо, необходимо время.

Мы всего лишь с неделю осматривали Париж. То из окон туристского автобуса, то с высоты Эйфелевой башни, когда-то в детстве занимавшей мое воображение, то просто с бульварных скамеек. Их очень много, они удобны для тех, кто хочет наблюдать.

Сидишь на скамейке, а мимо спешит толпа, близко цокают высокие каблучки, катятся детские коляски; потом твое внимание привлекают звуки старинного романса — вглядываешься в открытую дверь дешевого бара, это оттуда доносится мелодия, там старик играет на гитаре, но она механическая, заводная, он только вращает ручку. Тебя отвлекает от этой простенькой музыки маленькое происшествие, можешь стать его участником: девочка уронила в бассейн мяч, и он уплыл, ты можешь снять с себя ремень, подогнать пряжкой мяч к ногам девочки, и она без слов отблагодарит улыбкой. Безымянная для тебя, но навсегда запомнившаяся маленькая француженка. Она подрастет когда-нибудь? Ну и что ж... Собственно, навсегда запомнился полосатый мяч на воде, а девочка — узнаешь ли ты ее завтра?

ПОД ВЕЧЕР мы вышли на площадь Бастилии. Ее современный вид не вызвал исторических реминисценций, хотя почтительно мы оглядели со всех сторон Июльскую колонну, увенчанную крылатым гением свободы. Площадь не хотела казаться величественной, ей не было никакого дела до наших высоких чувств. Площадь пела, орала, визжала — десятки балаганов, точно на ярмарке, сзывали толпу. Вращалось лотерейное колесо. В тирах щелкали выстрелы и падали зайцы. Нас задержал механический хиромант, или, как это там называется: гадание по руке. Я положил руку на какую-то чугунную вафельницу с шипами, в колбочке замерцали диковинные лампочки, воспринявшие линии моей ладони, и автомат-хиромант выбросил листок. Теперь я знал свою судьбу. Рядом женщина-медиум в красной накидке, с завязанными глазами что-то писала в полном трансе, сунув руки в черный мешок, а ее супруг, как бы посмеиваясь над ней, весело подмигивая зевакам, продавал билетики с ее пророчествами.

Вокруг шла торговля с лотков, у кого-то на жаровне подгорели каштаны. Молодая женщина, собрав толпу недоверчивых ротозеев, неутомимо прославляла «чудо техники» — пластмассовую машинку для резки овощей. Она накрошила уже целую гору салата, но снова и снова хватала морковку, помидор, огурец и, ища взглядом покупателя, крошила, крошила, крошила. Казалось, в чаплинском экстазе она сейчас пустит под нож и собственные пальцы, но нет, напротив, она показывала, что машинка совсем безопасна... Купите, купите! Она была так грациозна в своем азарте, как будто нашла жизненное призвание в расхваливании овощерезки, ей будто уже и дела не было до того, глядишь ли ты ей под руки или любуешься колонной, увенчанной крылатым мальчиком. А в то же время своей безумной одержимостью она хотела подсказать тебе, что так она говорит и крошит, говорит и крошит очень давно, с самого утра — сжалься же над нею!.. Но ни одна старая ведьма, тупо глядевшая на нее, даже и не думала купить. А потом все задрали головы, как по команде, — в вечернем небе самолет, делая точные, рассчитанные по секундам виражи, выписывал белую дорожку рекламной надписи. Буква за буквой, как будто царапины по голубому стеклу, рисовалась в небе фамилия предпринимателя... Покупайте же, покупайте! И снова я силился представить себе лицо летчика, нашедшего выгодную работу в мирные годы, и не мог. И только навсегда запомнил в небе Парижа его почерк. Надпись расплывалась очень медленно, и ее освещало снизу ушедшее за крыши солнце.

После балаганов на площади Бастилии, казалось, больше нечего было увидеть в этот прекрасный день. Но вот мы пошли по Большим бульварам. В аллеях справа и слева мчались с сухим шуршанием автомобили, — люблю их красные огоньки в городских сумерках! А под деревьями творилось нечто невообразимое, и мы, точно самолеты в грозовую тучу, вошли в плотную, почти стоячую толпу. Нет, она все-таки двигалась, и даже в каком-то порядке, мимо прилавков, палаток и киосков. Попробовав безуспешно бороться и плыть по-своему, мы подчинились течению, оно понесло нас по бульвару Вольтера.

Это была огромная барахолка, как говорят парижане — «блошиный рынок». Множество блошиных рынков торгует круглый год в разных районах Парижа, в его предместьях и пригородах, но раз в году корпорация старьевщиков и антикваров устраивает объединенный рынок, сотни пикапов свозят сюда, на бульвары, непроданное старье, и тогда весь Париж сбегается поглазеть и прицениться к красивым и нужным некогда вещам, которые время и обесценило сперва, и потом заново оценило.

Нам повезло в тот вечер.

Только Рабле мог бы составить опись всего, что можно было раскопать на этой свалке. Подсвечники и канделябры, дамские сумочки, сплющенные и скукоженные, несметная сила перчаток, корсажей, луговиц, шеренги пузатых божков из старого Китая, кресла и стулья со следами позолоты и со следами человеческих слабостей и недугов, портновские манекены и портреты королей и дофинов Франции, рукомойники, чугунные запоры, цепи сложного рисунка для очагов — тысячи предметов, давно отработавших свой век, утративших своих хозяев, а все-таки отразивших былые вкусы и понимание комфорта тех времен, когда люди не знали ни телевизоров, ни шариковых ручек, ни центробежных сушилок для белья.

До сих пор мы осматривали улицы и площади Парижа, а тут Париж вывернулся перед нами наизнанку, как мешок, и вытряхнул все содержимое квартир, конюшен, табачных лавок и винных погребков и даже склепов фешенебельных кладбищ. Совсем без принкрас, весь реквизит осмотрительных накоплений и безжалостных катастроф, сохраняющий запах нафталина и плесени, дух скаредности и скопидомства.

Толпа гудела, и голоса сливались. Электрические фонари, упрятанные в листве, выхватывали не только занятные вещи, но как будто и отдельные возгласы.

— Ты обрати внимание!

— Забавно, в самом деле...

— Устроим семейный плебисцит и купим!

— Химическая чистка обойдется дороже.

— Какая очаровательная безделушка!

— Повесить и повеситься.

— Ну, это купят американцы!

— Вот смех! Гляди, гляди...

Тут было на что глядеть. Хрустальные люстры о двенадцати свечах, гора тонко расписанных циферблатов от допотопных часов-луковиц, резные скамейки для ног, бронзовые Наполеоны, красиво откованные каминные щипцы, фигурные гусятницы, безрукие и безволосые куклы. И одна, прелестная, златокудрая, хранившаяся в комоде три поколения как память о бабушке и прабабке, покоилась в открытой коробке нетленная, точно святая.

Все это мог накопить в своих недрах только Париж. Вот город, который на протяжении столетий притягивал к себе всех модников и модниц, не знавших, как лучше растратить деньги. Сюда съезжались английские аристократы, американские выскочки, пурпурно-фиолетовые кардиналы, валашские бояре, индийские набобы, тамбовские помещики-крепостники и кокотки со всего света. О них напоминали на старьевщицкой ярмарке бювары шагреневой кожи, двери будуаров со створками, обтянутыми истлевшим шелком, жокейские куртки и японские кимоно, высокие корсеты, отделанные брюссельскими кружевами, клетки для попугаев — все шатуны, золотники, эксцентрики механического тщеславия.

— Не отставай, Жан, так мы не выберемся из этих джунглей.

— Постой, такое не купишь даже в «Галери Лафайет»!

— Покупай, если окончательно спятил!

— Но если поставить на бабушкин телевизор...

— Декадентское старье! Я не пущу тебя с этим на порог... Мсье, можно примерить?

— Только снимите юбку, мадам, я заслоню вас...

Вдруг я заметил, что покупателей, собственно, нет — толпа валила мимо громадных скоплений товаров. Так покупайте же, покупайте!.. Пренебрежение к вещам здесь, на блошином рынке, казалось кощунственным — особенно после шикарных витрин на улице Мира и на Вандомской площади, где выставлены для самых богатых иностранцев изысканные туалеты и драгоценности. За поздним временем уже кончалась торговля. Пикапы, открыв свои зады, принимали на ночь всю заваль, торговцы, их жены и дети заталкивали в мешки, запихивали в корзины, забрасывали в пикапы непроданную рухлядь. И был усталый, измученный вид и у людей, и у вещей. А сколько тут тонких предметов, которые, можно сказать, звенят от прикосновения пальца! И если Флобера справедливо считают великим чеканщиком стиля, — сколько же здесь произведений поистине флоберовской чеканки!

— Ну и ларец! Годится разве только для Голливуда...

— Что вы, мадам, филигранная работа! В таком ларце хранят облигации царских займов!

Я оглянулся на звонкий голосок продавца — мальчик, торговавший металлическим ломом, напоминал своей женственностью артисточек на роли «травести»: над его бледным, точно припудренным, нежным личиком возвышался нелепый кучерский цилиндр. «Неужели забудется и это лицо, а останется только цилиндр?» — подумал я с сожалением. Мальчик подтолкнул мою мысль, теперь я видел в распродаже весь долгий путь Франции — не только ларец с царскими займами, бог с ними! Но вот корабельный якорь, насквозь проржавленный в неведомых тропических водах, прокопченный свечной фонарь спального вагона, дырявая немецкая каска, наверно, из-под Вердена, пропеллеры аэропланов эпохи братьев Райт — те деревянные винты, более похожие на весла, на которых отважным авиаторам удавалось продержаться в воздухе полчаса, иногда даже час. Кому может это понадобиться? В Америке? Там нынче мода оформлять витрины лучших магазинов всякими ископаемыми предметами: старинным граммофоном с трубой, подлинным столиком «Louis XIV» или примитивом — березовой поленницей с козлами для пилки дров. Я видел это и в Париже, забавно... Но неужели, действительно, на экспорт за океан предназначены весы времен Лавуазье, термометр — чуть ли не сверстник Реомюра, вышитые золотом штаны «мещанина во дворянстве», подзорная труба, в которую, может быть, Тьер разглядывал пылающий Париж, ручная тележка вроде той, в какой развозил овощи Кренкебиль?

Когда проходишь бульвар за бульваром в тесном потоке, оглушенный шарканьем ног, гомоном голосов и смехом, начинаешь чувствовать коллективную душу толпы. В какую-то минуту понимаешь, как преступление, трагическую отчужденность вещей и людей. Сквозь цены и ценники постигаешь истинный смысл поглотившего тебя зрелища: ведь все, что ты видишь, было когда-то создано теми, кто отдавал работе все свои силы, кому не хватало времени ни на любовь, ни на раздумье, ни на игру с ребенком. Целые кварталы Парижа работали и страдали для того, чтобы в других кварталах бездельники наслаждались и потребляли. О, как извечно враждебны эти два мира — работников и собственников! Я вглядывался в поблекшую красоту изделий, словно читал толковый словарь наследственных ремесел. Однажды подумав об этом, уже нельзя отвлечься от мысли об искуснейших парижских мастерах, о тех, кто склонялся над вещами раньше, чем они заняли уготованные им места. Они работали, эти мастера, как будто для себя, для своих детей — не на продажу. Их руки имели единственную привилегию — полировать, гравировать, шлифовать, держать эти вещи еще непрокаленными, неоткованными... Вдруг вспомнился мне старый рыбак из бессмертной повести Хемингуэя — он сражается, непобедимый, с акулами, чтобы спасти свою рыбину, и сперва думает, сколько людей он сможет накормить ею, а потом задумывается: будут ли еще достойны люди есть эту рыбу...

Вчера в Доме русской книги гостившие в Париже советские писатели встретились с журналистами, и один из них, седой и розовый, прижал меня у книжных полок, обрушиваясь с дьявольским темпераментом на самую суть нашей литературы: на ее трудового героя. Он всех нас, кто пришел на встречу, всех считал за одно лицо: Семена Бабаевского и Георгия Березко, Валерию Герасимову и Петра Сажина, Майю Ганину, Вячеслава Ковалевского, Юрия Королькова, Рудольфа Бершадского, Тихона Семушкина...

— Все ваши книги — об одном! Ваш герой — слесарь! Ваша тема — разводной ключ! В газетах, в стихах и на партийных съездах вы фетишизируете труд, рождение вещей. А мы славим не роды, а самого младенца...

— То есть товар? — спросил я. — А зачем его славить?

— Затем, что плохо продается! — вдруг простодушно, нисколько не заботясь о впечатлении, признался мой собеседник. — Никто не покупает, черт возьми! Импотенция покупательной способности!

— Не хотят покупать, что ли?

— Не могут!

— С этого бы и начать...

Но, видно, ему понравилась придуманная метафора, потому что не прошло и минуты, как, подхватив за локти двух французов, он повторял:

— Они вечно славят роды Мадонны, а мы — младенца на ее руках! Они возвеличивают труд, а мы — его материальный итог, товар! Их газеты полны трудовой хроники, а мы со всех телеэкранов, с витринных окон, из радиорупоров кричим: «Купите, покупайте!».

У меня не было ни времени, да сказать по правде, ни желания разбираться в выражении его лица, но сейчас, вглядываясь в груду мраморных подставок для чернильниц, я отчетливо слышал звук его бойкого голоса: купите, покупайте!

В ночной тьме, озаренные пучками света, еще мелькали передо мной кофейники, швейные машины, кузнечные меха, трехногие фаянсовые печки и конские чепраки... В тени под деревом высилась гора истертых лысых баллонов для автомобилей и мотоциклеток всех возможных марок и систем. И среди этих черных кругов, избегавших все дороги Европы, точно рожденный из резиновой массы, недвижно стоял, скрестив руки на груди, надменный и злой человек в потертой кожаной куртке. Старьевщик. Он показался мне сивым, абсолютно сивым — не то от общения с этим добром, не то от нужды и горя.

Правление Союза писателей РСФСР, руководство Высшими литературными курсами и Магаданское отделение Союза писателей РСФСР с глубоким прискорбием сообщают о преждевременной кончине талантливого чукотского поэта, слушателя Высших литературных курсов Виктора Григорьевича КЕУЛЬКУТА и выражают искреннее соболезнование родным и друзьям покойного.

Портреты БЕЗ ГРИМА

ЛЖЕЦ-ПОПУГАЙ

АИБЕК

...ЧУДЕСНАЯ пора сейчас в Узбекистане. Плоды наливаются соком. Пахари любуются всходами. Свободно и спокойно дышит земля. И хочется писать и писать — воспевать человека, чьими руками создается эта красота, воспевать народ, обновляющий жизнь и землю...

Но сегодня я должен на время отложить работу над новой книгой. Я взял в руки перо по другой причине. Сегодня я хочу ответить одному из тех, кого не радуют, а озлобляют наши успехи, красота нашей жизни. Человек этот, насколько мне известно, живет в Западной Германии, в стране, где под крыльями неофашистских «орлов» находят приют люди, предающие свой народ, продающие свою совесть и честь.

Один из этих людей — Баймирза Хаит.

Там же, в ФРГ, рождаются на свет журнальчики типа «Остеуропа» или «Сентрал Эшиетик джорнэл». Сей последний издается еще и в Гааге. Называет он себя «международным журналом по языкам, литературе, истории и археологии Средней Азии» и щедро предоставляет свои страницы Б. Хаиту, рекламируя его как «западногерманского профессора, доктора философии».

На первый взгляд, можно подумать, что и журнал весьма солидный, и автор — не менее. Но такое суждение было бы правильным, если б звание профессора определялось по степеням лжи.

Б. Хаит в течение ряда лет специализируется по клевете на народы Средней Азии, особенно на их современную жизнь.

Разумеется, Б. Хаит не одинок. Успехи республик Советского Востока вызывают ненависть у буржуазных идеологов. А страх и рождает ложь.

Клевета, однако, тоже требует «убедительного оформления». И вот для этого и пускают в ход отщепенцев, изменников родины, титулуя их «докторами» и «профессорами» и спекулируя их восточными именами и фамилиями. Словом, пускают в ход хаитов...

Несколько лет назад узбекские ученые дали достойную отповедь «упражнениям» Б. Хаита на восточно-«исторические» темы. Теперь он, угождая своим хозяевам, решил поупражняться в области литературы.

Поглядим — не без чувства отвращения, — как он это делает...

ПРЕЖДЕ всего Б. Хаит пытается доказать, что узбекской литературы вообще... не существует. «Определенная политическая установка», оказывается, «потребовала наличия национальной узбекской литературы». «Для этого, — продолжает «доктор», — пришлось выделить узбекскую литературу из всей совокупности восточнотюркской литературы, и, дабы обосновать эту тенденцию, Мир Алишер Навои был провозглашен основоположником узбекской литературы».

Видали такого «профессора» и такую «логику»? Мол, до Октябрьской революции и до середины 20-х годов была одна, общая для всех тюркоязычных народов Средней Азии «чагатайско-тюркская литература», а узбекской вовсе не было.

Подобная «теория» новоявленного «доктора философии» — грубая и глупая ложь. У каждого из народов Средней Азии еще задолго до Октябрьской революции начала формироваться своя богатая, самобытная литература, своя национальная культура. Так, узбекский народ обладает очень древним по своим истокам и богатым литературным наследием, формирование и развитие которого связано с древнейшими культурами. Достаточно назвать Ахмада ибн Махмуда Югнаки и Ахмада Ясави, творивших в XII веке. Их стихи написаны выразительным народным языком и являются высоким образцом древнеузбекской поэзии. А взять таких замечательных поэтов, как Хорезми (XIV в.), Дурбек (конец XIV в. — начало XV в.), Атои (XV в.), Лутфи (XV в.). Все они, предшественники Навои, сыграли большую роль в развитии узбекской литературы, в формировании узбекского литературного языка.

Поэзия Навои и Лутфи, Бабура и Машраба, Мукими и Фурката и многих других узбекских поэтов — самый убедительный ответ на «теории» Хаита. Их произведения (я уж не говорю об узбекской устной народной поэзии) были глубоко любимы народом, бережно хранимы в народном сердце, пронесены через многовековую историю. И поныне наш народ поет их песни. Я сам еще на школьной циновке (в старой узбекской школе не было скамей) разучивал их.

Другие тюркоязычные народы — казахи, туркмены, киргизы — также издавна имеют свою богатейшую литературу, которой законно гордятся все народы Советской страны.

Думается мне, что Б. Хаиту все это известно. Хоть он «профессор» определенного толка, но грамоте-то ведь и он учился. Все дело в том, что он не только предатель, готовый утверждать все, что нужно тем, кто ему платит. В его лице мы видим и убежденного пантюркиста, панисламиста. Вот почему для него нет ни узбекского, ни киргизского, ни казахского, ни других народов нашего Востока, а есть один «туркестанский народ».

Идеи пантюркизма-панисламизма для нас не новы, они появились в начале XX века, когда с развитием революционного движения, особенно накануне Октябрьской революции, буржуазные националисты стали проповедовать «свой путь» развития Востока, желая отвлечь народные массы от подлинно революционной борьбы — борьбы за социализм...

Меня всегда волновала тема жизни родного народа накануне Октябрьской революции. И в поэзии, и в прозе я часто возвращался к этой теме. Она волнует меня и сейчас. В последнее время я работаю над романом «Великий путь», который посвящен победе Октябрьской революции в Узбекистане. Читаю газеты и журналы того времени, знакомлюсь с документами. Передо мной вырисовывается очень сложная, интересная эпоха, когда всевозможные буржуазно-на-

Рис. Э. Трескина

ционалистические организации и группы усиленно вели активнейшую проповедь среди трудящихся масс идей пантюркизма и панисламизма. Чтобы одурманить трудящихся, отравить их ядом национализма, отвлечь от революционной борьбы, они стремились посеять вражду между народами Средней Азии, натравить их против русского народа. Националисты всеми средствами пытались убедить узбеков, казахов, туркменов, киргизов в том, что якобы среди них нет каких-либо классовых противоречий. Разглагольствуя о создании «тюркской империи от Алтая до Босфора», они уверяли, что «святой ислам не разделил нас, мусульман, на нации и классы. Мусульмане всего мира составляют одну нацию, и ислам — это международное братство».

Б. Хаит — лишь подражатель своих предшественников. Но если идеи пантюркизма и панисламизма, эти узконационалистические, узкоклассовые, клерикально-изуверские идеи, не имели успеха даже в начале XX века, убедительным свидетельством чего является победоносный Октябрь на нашем Востоке, тем более не могут они иметь успеха в наше время — время великого торжества интернационального братства народов, строящих коммунизм.

«Доктор философии» не видит, вернее, делает вид, что не видит, огромного прогресса, которого добились народы Средней Азии и Казахстана благодаря Октябрьской революции. Какой социальной почвой, «профессор», объясните вы великие успехи свободных народов Средней Азии — успехи в развитии экономики, культуры, искусства? Весь читающий мир знает имена казаха М. Ауэзова, узбека Г. Гуляма, таджика М. Турсун-заде, киргиза Ч. Айтматова, туркмена Б. Кербабаева и многих других выдающихся писателей.

Но что за дело Б. Хаиту до читающего мира и до истины?!

СЕГОДНЯШНЯЯ узбекская литература тоже «интересует» Б. Хаита и его покровителей. «Интересует» в тех же целях. И удовлетворяется этот «интерес» тем же способом... Метод социалистического реализма в узбекской литературе? Да что вы — это опять же искусственное наслоение! И вообще, сокрушается Б. Хаит, «литературная жизнь в настоящее время должна быть трагичной, так как советские руководители пытаются склонить писателей к идеологическим тенденциям коммунизма... Можно почти опасаться, что узбекская литература находится на грани потери своей художественности».

«Пытаются склонить» — каково?

Когда слепой и глухой человек страдает от своих недостатков, можно его пожалеть. Когда клеветник сознательно слеп и глух да еще говорит, что он-то лучше всех видит и слышит, а другие слепы и глухи, — такая фигура может вызвать только омерзение.

Читательские конференции, поток писем со всех концов страны от людей разных профессий и возраста, дни поэзии, поездки наших писателей по родному краю, в братские республики, за границу — все это свидетельство популярности наших произведений, любви к ним.

Конечно, все это весьма трагично... для хаитов!

Б. Хаит, клевеща на узбекскую советскую литературу, оказался в роли старого глупого попугая. Вслед за другими, подобными себе, он узрел причину «трагического положения литературы» в партийном руководстве ею, хотя тут же вынужден признать, что у нас «вырос целый ряд одаренных писателей».

В числе последних он упомянул и меня. Мой долг, долг советского писателя, повелевает мне сказать следующее малопочтенному «профессору».

В моей творческой судьбе, как и в судьбе всех моих товарищей, роль партии огромна. Она вырастила и воспитала меня, и всем, что я сделал для родной литературы, я обязан ей, ее вниманию и заботе. «Идеологические тенденции коммунизма», к которым нас якобы «пытаются склонить», — в нашем сердце. Я тоже служу делу партии, а это значит — народу.

Об этом я писал еще в самом начале своего творческого пути:

Я ясно понял, где заря
И где — обманчивый мираж.
Я не хочу и не могу
В часы, когда шумит прибой,
Глядеть на дальнем берегу,
Как две волны вступают в бой.
Нет, я с тобой, рабочий класс,
В одном ряду, в одном строю.

(«Мой голос», 1928 г.)

С тех пор прошло очень много времени. Но и сегодня я с гордостью повторяю эти свои слова.

Хаитам, как и всем другим прислужникам империалистического Запада, не понять нашей свободы, свободы творчества в нашей стране. Привыкшие жить подачками с хозяйского стола, они рассуждают о свободе, исходя из норм своей жизни. Что ж, их «свободу» мы охотно оставляем им самим...

«Советское общество, — говорится в Программе КПСС, — обеспечивает действительную свободу личности. Высшее проявление этой свободы — освобождение человека от эксплуатации. В этом прежде всего подлинная социальная справедливость». И еще: «Коммунизм — это высший расцвет человечества и человеческой личности», — говорил Н. С. Хрущев в докладе на XXII съезде партии о Программе КПСС.

Вот правда, правда истории, и никакой «профессорской» ложью ее не победить, не затушевать, не поколебать!

ТАШКЕНТ

Главный редактор А. ЧАКОВСКИЙ.
Редакционная коллегия: Ю. БАРАБАШ (зам. главного редактора), Б. ГАЛАНОВ, Б. ГАЛИН, Г. ГУЛИА, А. МАКАРОВ, Г. МАРКОВ, В. МЕДВЕДЕВ, Е. ОСЕТРОВ, О. ПРУДКОВ, Г. РАДОВ, Р. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, С. РОСТОЦКИЙ, Я. СМЕЛЯКОВ, Ю. СУРОВЦЕВ, А. ТЕРТЕРЯН (зам. главного редактора).

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: во вторник, четверг и субботу.

Адрес редакции и издательства: Москва И-51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм Москва Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, отделы: русской литературы — В 8-99-33, искусств — В 1-11-69, литератур народов СССР — Б 8-59-17, внутренней жизни — К 4-06-05, международной жизни — К 4-03-48, зарубежной литературы и искусства — К 4-84-28, информации — К 4-08-69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутатор — К 5-00-00.

ИНДЕКС 50067

Типография «Литературной газеты», Москва И-51, Цветной бульвар, 30.

Б — 01291